

Марианна Красовская
Нани Кроноцкая

Блондинка
и Серый волк

Марианна Красовская

Блондинка и Серый волк

«Автор»

2023

Красовская М.

Блондинка и Серый волк / М. Красовская — «Автор», 2023

Ошибка при проведении рискованного эксперимента переносит прекрасную девушку в сказочный мир. И какая же ждет ее сказка? Про Красную шапочку ли, про бабу Ягу, или вовсе - про Синюю Бороду? Путь домой будет трудным, впереди ожидают опасные приключения и выполнение сложных условий древнего ритуала. Сильная, смелая, не склонная к сентиментальностям Агата идет к своей цели. Только вот... ей предстоит испытать сложные чувства и подарить драгоценный подарок. Кому? Кто там ей под руку попадется? Кажется, серый волк. Остается ему только посочувствовать.

Содержание

1. Пролог. Чем глуше лес, тем толще волки.	5
2. Избушка на курьих ножках	7
3. Агата торгуется	13
4. Прямо пойдешь – ничего не найдешь	16
5. Придёт серенький волчок	20
6. О личной жизни	24
7. Оруже-уносец	28
8. Самое желанное	32
9. Слезы великой Агаты	36
10. Служба	40
11. Постоялый двор “40 разбойников”	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марианна Красовская, Нани Кроноцкая

Блондинка и Серый волк

1. Пролог. Чем глуше лес, тем толще волки.

Запах. словно тонкая струйка надежды, потянулся забытый давно уже запах – пленяющий, дразняще-манящий.

Женщина? Откуда в этом зеленом кошмаре ей взяться?

Огромный волк, дремавший под кустом, встрепенулся, потягиваясь, вздрогнул всем телом, стремительно поднимаясь на лапы.

Не могло тут быть женщины, в принципе невозможно. Иллюзия?

Лес был самый глухой. Очень мрачный, замшелый, с непроходимыми завалами. Такой густой, что в некоторых местах солнечные лучи не проникали через густо сросшиеся кроны деревьев, такой дремучий, что в его недрах всегда царили полумрак и влажная прохлада. Именно в таких чащах очень любят устраивать свое логово волки.

Обычные волки, чистокровные звери – не морфы.

Двуликие существа – дети вольного ветра и солнца. Сильные, вольные, чутко чувствующие и умеющие любить.

Цивилизованные, разумные, во многом они многократно превосходят людей. Морфы также строят дома и растят детей, радуются солнцу и свежему ветру, и не прочь поболтать с хорошим собеседником. Ибо способность облекать свои мысли в слова – один из базовых признаков рассудка.

Морф пока еще был разумен. Но при виде огромного серого и зубастого зверя обычные люди мигом забывали все осмысленные слова, издавали визги, пiski и крики «Ааа, волколак!» И поди докажи, что ты оборотень обыкновенный, только лишь заколдованный. Ну да, шерсть кое-где колтунами и зубы три года не чищены, но это все не столь важно, ведь правда? Впрочем, морф был достаточно образован, а уж «основы превращений двуликих» в него вбивали с самого детства. Порой – розгой. Порой – до синяков. Потому что от этих знаний зависела жизнь.

И все же эти уроки не научили главному: как не помутиться человеческому сознанию, насильно запертому в зверином теле.

А между тем неуклонно подкрадывалась катастрофа: почти три года морф бегал по лесу просто волком, уже и разговаривать ни с кем не хотелось, и сны снились нечеловеческие, и на волчиц поглядывалось вполне даже с интересом. Морф одичал, и черта, за которую нет возвращения человека, приближалась. Именно после потери разума появляются в мире волколаки – результат кровосмешения морфа и дикого зверя – дичь, неуправляемая и жестокая.

Три года – срок критический: ни один морф не смог до сих пор преодолеть этот рубеж и не лишиться рассудка. Проклятье, настигшее единственного наследника великого клана Бурых, было невероятно жестоким. Наказание, говорите? Тяжести юношеского проступка оно совершенно не соответствовало. Ну подумаешь, поглядел на другую девушку, будучи уже помолвленным с ведьмочкой! Ладно, не только поглядел. Но измены ведь не было! В пятнадцать лет все мы влюбляемся на всю жизнь, и так же легко расстаемся. Если каждого отправлять в темный лес погибать за такую провинность... Все разумные существа обоих полов извлеклись бы давно и надежно.

Эти мысли пронеслись вихрем в головушке волка, ощутившего вдруг искру разума в этом проклятом лесу. Зверь осторожно присел на лапах. Это среди обычных и неразумных зверушек ему пока не было равных. А охотники народ не в меру ретивый и вооруженный к тому же.

Темной тенью дикий зверь скользнул к оврагу, следуя за божественным ароматом. Невероятным. Дух захватывающим, разом ударившим по разуму и... куда более приземленным органам. Женщина, молодая. Более того – морф, причём незнакомого ему вида.

Этого просто не может быть.

Наследник тихо лег прямо на мох и крепко закрыл глаза. Боги этого мира, неужели вы услышали его молитвы?

Каждый день давался ему сейчас все тяжелее. Он задыхался от отвращения к самому себе – ослабевшему, потерявшему всякий смысл жизни, почти сдавшемуся. Один лишь шаг – и все может быть по-другому. Но видят всеильные боги, сделав этот шаг, склонившись перед той, кто обрекла его на эти несправедливые мучения, он потеряет себя едва ли не больше, чем сейчас, в обличье зверя. Волка тошнило от одной только мысли, что ему придётся свою гордость засунуть под хвост и на всю жизнь связать себя с ведьмой. Громко сказано даже, так себе ведьмочкой. Мелкой, как серая мышь, и такой же подленькой.

Чуткий волчий нос сам собой уткнулся в лесной темный мох, ещё хранивший запах незнакомки. Наследник вдруг взвыл, диким усилием удерживая себя от подступавшего неуклонно безумия. Хотелось сорваться с места, рвануть со всех лап за обладательницей умопомрачительного аромата, напрыгнуть, рыча и клацая зубами, ухватить за шею и...

Нет. Он не зверь. Он и человек тоже, мужчина. Нельзя. Даже если очень хочется. Пока – нельзя.

Вдруг вспомнился смех этой ведьмы. И даже всплыло в волчьей памяти ее имя. Алесенька, чтоб ей замуж до конца жизни не выйти. Она бы сейчас в ладоши хлопала от восторга, видя падение морфа до дикости и ничтожества. Наследник не обольщался: ведьма его не любила ни капельки, теперь он понимал это как нельзя ясно. Она вообще не была способна любить. И все, что она сделала с ним, было не порывом ревности, а хорошо продуманным планом. Она сейчас ждёт, что волк скуля приползёт к ее ногам на брюхе, поклянётся в верности и будет умолять стать его женой – навеки, до самой смерти, как это принято у морфов.

Наверное, он приполз бы. Если бы не этот запах. Он прозвучал как призрак свободы. Последней надежды. Пусть даже это была лишь иллюзия. Он вдруг понял отчетливо: лучше умереть рядом с этой надеждой, чем потерять себя навеки. Не будет свободный и гордый волк цепным псом ведьмы. Не бывать этому.

И даже если он навеки останется пленником этого леса, такую цену заплатить морф был не готов.

2. Избушка на курьих ножках

Итак, их было семеро. Семеро юных гениальных оболтусов, знавших друг друга едва ли не с рождения. Семеро неразлучных друзей. Все – иные. Два дракона, рысь, ворон, тигра, маг и ведун.

Список их имен и фамилий красовался с завидным постоянством как в перечне лучших учеников иношкол, так и в реестре особо провинившихся.

Заводилой, как всегда, была Элька, Элис Лефлог. Не девица, а форменное стихийное бедствие, хуже цунами и всех ураганов во всех проявлениях. Воплощение хаоса. Только узнав об этом, стоило всем бежать без оглядки, но разве так делают? Их ведь много, они самая настоящая банда, если все уж собрались – как можно струсить, выйти из такой увлекательной и веселой игры?

И заклинание было такое – рассчитанное на семерых. Толстую книжечку с ним где-то добыла Элька, она вообще была крупным спецом по добыванию неприятностей. Видимо, это судьба.

Заклинание выглядело безобидным. Более того, каждый из веселой семерки его посмотрел и не нашел в нем подвоха – они все же не самоубийцы. Просто игра, просто веселье. Первый раз, что ли?

Их подвело не чутье. Просто в лагере было так скучно... Экзамены позади, все уже поступили, осталась муштра, палатки, плац и бесконечные тренировки. А тут – целое приключение.

Чертили звезду эту семиконечную, шутили друг над другом, что-то болтали про ритуал, желания все обдумывали.

Элька встала по центру и начала декламировать заклинание. Это было похоже на детскую игру: веселый стишок, все хохочут. Что-то там про миссию, про доселе неведомые чувства, про драгоценные подарки. В общем, даже понятно, что ее в этом заклинании подкупило. Элька, как и ее брат-близнец, – драконы. Драгоценные, да еще и подарки – это вполне в их вкусе. Вот Элька дошла до строк, завершавших ритуал (что-то про цветочек), и вдруг резко запнулась, громко чихнув в самом важном месте веселого заклинания:

– ... быть по-моему вели: семи-пчхи-Светик, откройся!

Потом было страшно: вдруг что-то рвануло, полет, искры взрыва, все громко кричали.

Вот говорил ей отец: “Детка, прежде чем взять что-то в рот, понюхай, а еще лучше – подумай”.

Что они пили вчера? Вроде бы пахло прилично.

Агата открыла глаза, точнее – попыталась. Получилось не очень: голова болела невероятно, все тело скрутило судорогой. Мучительно хотелось пить.

Вокруг было темно, пахло лесом, лежала она на чем-то мягком, упираясь затылком в шершавую и твердую вертикаль. Вероятнее всего – в ствол огромного дерева.

Где она? Неприятное предчувствие заскребло грязной мышью. Воспоминания просыпались, вспыхивая, будто светлячки, во все еще туманном сознании.

Они пили, конечно, но очень умеренно. Было весело: Элька опять нашла какие-то детские артефакты. Да! Книга-считалочка. Там еще нужно было загадать желание. Агата и загадала: мужчину, принадлежащего только лишь ей.

В личной жизни у нее, кажется, не было сейчас никаких перспектив. Роман – был. Любовь – больная и гиблая – была. И мужчина, в принципе, был, только вот она для этого мужчины ничего не значила. Так, суррогат, игрушка, временный вариант. Горько и обидно, но не смертельно.

И вроде бы история с Павлом до такой степени отбила желание строить вообще какие-либо отношения, что девушка решила закрыть для себя эту тему навеки и окончательно. Вот только мечтать она себе запретить никак не сумела.

И вообще! Агата молода и красива, и ставить на себе крест ей рано. К тому же морфы и телесное воздержание – не самое лучшее сочетание. В монастырь она уходить уже точно не собиралась. Поэтому... да! Ей нужен карманный любовник, только ей принадлежащий. Идеально. Чтобы появлялся по щелчку пальцев и смотрел лишь на нее... Кто угодно – хоть демон, хоть джинн из лампы. Со своими тапочками, верный и без претензий. А как надоест – пусть исчезает.

Мечты-мечты!

Глаза постепенно привыкали к лесной темноте, боль отпускала.

Тихий звук в нескольких метрах позади нее заставил насторожиться.

Что-то ей в нем не понравилось, и настолько, что секунды спустя на мягкой лесной подстилке стояла роскошная самка тигра. Необычная: голубоглазая, серебристо-белая с темными полосами, она казалась отпечатком с негатива. Тигрица медленно развернулась.

На поляну прямо перед ней вышел медведь. Неспешно остановился и замер.

Обычный лесной житель, не оборотень и не колдун – девушка была в этом уверена, себе подобных она чувствовала очень остро.

Порыкивая, обнажила клыки. Лесной народ должен знать: она – альфа. Зверь заворчал, попятился, опуская голову, и исчез в кустах, словно его и не было.

Что ж, знакомство с новым лесом состоялось.

Агата выдохнула, щелкнув пальцами. Иллюзия растворилась. Она очень хотела бы быть такой, как этот морок – огромной, сильной, красивой. Но пока лишь умела являть наивным этот незатейливый фокус. Тетушкин подарок – колечко-артефакт был ей в этом деле отличным помощником. Для магически одаренных существ – просто шалость, для всех остальных – несомненное преимущество.

Она оглянулась. Станные запахи, незнакомые звуки окружали Агату. Что-то в этом всем было неправильно, не укладывалось в привычную картину мира.

Девушка подняла голову и от удивления снова села на землю. В чистом небе над лесом ярко светили три луны. Такие... круглые. Размером примерно с обычную, только две были желтыми, как сыр, а одна – ультрамариново-голубой. И никаких тебе пятен.

Приехали, здравствуйте. Правильно все же отец говорил... Тигрица зажмурилась, потала внезапно потяжелевшей головой, растрепав светлые волосы. Ночные светила не разбежались.

Итак, что мы имеем:

После исполнения странного ритуала с этими глупыми пожеланиями ее унесло... скорее всего – в другой мир. Способностями магическими она здесь владеет, что замечательно. Иллюзия обращения в полноценного тигра ей, как всегда, удалась, и колечко на месте. Жаль только, поверить в нее мог лишь безмозглый лесной медведь.

К несчастью, теорию межмировых перемещений в школе не преподавали, и как выбраться домой отсюда, она даже придумать не может. Оставалась одна надежда на могущественных родителей. Прямо скажем, родня у Агаты была впечатляющая, причем с обеих сторон. Ее обязательно вытащат. Главное – продержаться до прихода всемогущих родственников.

С этой весьма обнадеживающей идеей перспективная и талантливая иная, студент 1 курса Магической Академии Агата Гессер двинулась покорять новый мир.

Сказочной красоты лес словно сошел с полотен Шишкина. Кукует кукушка, ветер шумит где-то в вершинах деревьев, а тут, снизу, влажно и сумрачно. И воздух такой, что голова кру-

жится. Густые мхи, разлапистые папоротники, тяжелые еловые лапы, ребра корней под ногами. Хорошо еще, что Агата была в своем привычном облачении: берцах и камуфляжных штанах. Хороша бы она была на каблуках и в сарафане – в таком лесу.

Кажется, она заблудилась. И это было даже забавно. Конечно, тигрица легко могла определить, где в лесу север, а где – юг. Лишайников и мхов на стволах деревьев тут имелось в избытке.

Только что с того, если она понятия не имеет, куда идти? Оставалось лишь положиться на интуицию... и легкий горьковатый запах дыма. Где дым, там и люди. Обычный человек никогда бы этого запаха не почувствовал, но у морфов, как известно, отменное обоняние.

Идти, следуя какой-то, хоть и неясной цели, было куда проще, чем бесцельно блуждать, и Агата, мурлыкая под нос песенку Красной Шапочки (уж очень она ей показалась подходящей моменту), повеселела. А уж когда елки расступились, и перед незадачливой путницей предстала полянка, а на ней – домик, жизнь и вовсе наладилась.

– Так вот ты какая, избушка на курьих ножках! – обрадовалась девушка.

Никаких курьих ножек у избушки, конечно, не было, это Агата просто развлекалась, воображая себе, что нашла натуральную бабу Ягу в чаще леса. Ну а что – на пряничный домик эта лесная хижина не тянула, на башню Рапунцель – тоже. Да и три медведя там явно не поместятся. Но и совсем развалюхой избушка не выглядела: добротная такая изба из почерневших от времени бревен, снизу уже поросших мхом. Крылечко с деревянными столбами, печная труба, из которой валил сизый дым.

Аутентично.

Агата не боялась – она, в конце концов, тигрица, хоть и не совсем полноценная. К тому же ростом и силушкой богатырской ее Создатель не обделил. Девушку сложно было назвать миниатюрной, она в их компании уступала ростом разве что долговязому Гвидонису Лефлогу. Но и с мужиком ее спутать было невозможно: фигура у тигрицы была очень даже женственной, со всеми полагающимися выпуклостями и изгибами. Возможно, где-то выпуклости были даже чересчур выдающиеся, но пока никто не жаловался, и даже Павел, любовь ее больная, только выражал восхищение полной грудью и тонкой талией.

Выбора особого у Агаты не было, она прекрасно помнила законы магических ритуалов. И расслышать слова заклинания успела, так что... оставалось найти того бедного и несчастного, кому всучит она драгоценный какой-то подарок, предварительно принудив испытать “неизведанные доселе чувства”. Что ж, это она с радостью. Предложить она могла немало: например, небывалое унижение. Или новые грани ненависти. Или... нет, кровожадной она не была, но и благотворительностью заниматься не собиралась.

В случайности она тоже не верила, и поэтому на всякий случай произнесла про себя общепринятое лингвистическое заклинание, позволяющее говорить и читать на языках всех разумных существ этой вселенной. Гессер смело подошла к избушке и громко затарабанила по двери.

– Эй, есть кто дома? Хозяйка, открывай!

Вот так: дерзко и даже нагло. Настроение у нее было такое – хотелось убивать и еще обедать. Или ужинать.

Дверь действительно открылась со скрипом и бормотанием. Некоторые слова, произнесенные хозяйкой лесного домишки, явно цензурными не были.

– Да кого ж там бес принес на ночь глядя, тудыть тебя за ногу! Что это тут за моркотник явился? Ах, огурылы, бабушке спокойно жить не дают!

Во дает старушка, ишь как лихо ругается, впору за ней записывать!

– Бес принес меня, – вежливо сообщила Агата, глядя сверху вниз на небольшого роста бабулю. – Здравствуйте. Простите за беспокойство.

Как известно, ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. Ей нетрудно, а старушке приятно. Наверное. Это не точно.

Старушка медленно прошла взглядом по Агате, с явным недоумением рассматривая диковинный наряд: берцы, широкие камуфляжные штаны и клетчатую рубашку с коротким рукавом поверх черной футболки. Задержала глаза на груди, потом на серебристой косе толщиной с руку.

– Чой-та я не пойму, вроде и девка, а одета как парень, – вынесла вердикт бабулька. – Кто такая? Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

– А? – Агата захлопала глазами, пытаясь вникнуть в суть непонятной фразы. – По делу, по делу, бабушка. Это... может, в домпустишь? Или так и будем через порог разговаривать?

– Какая я тебе бабушка? – сердито проворчала старуха. – Ишь, бабушку себе нашла! Чой-та я внушек таких у себя не помню, да и откудова, детей тоже не имеется.

– О! Милостивая госпожа, не соблагоизволите ли...

– Ой дура-девка. Проходи, что встала на пороге? Давай-давай, комаров да мошки мне только в дому не хватало!

Замечательная бабка, Агата, которая тоже поворачать любила, прямо-таки почувствовала родственную душу. Прошла, наклонив голову, чтобы не задеть низкую притолоку, огляделась: тесновато, но жить можно.

Большую часть избы занимала, разумеется, печь: огромная, настоящая, известью беленая. На полу имелись полосатые половички, у окна добротный деревянный стол, вдоль стены лавка, под лавкой ведро, на лавке кот. Как и ожидалось – черный. Самое что ни на есть жилье лесной ведьмы, все по книжке. И чисто очень: пол аж блестит. Пахнет травами, да так остро, что нюхастая тигрица несколько раз чихнула.

– Ну вот еще не дело, – буркнула бабка. – Коли болезная – так чего по лесу шляешься? Не вздумай мне тут подохнуть от лихорадки какой, как я тебе, такой затетёхе, могилу копать буду?

Агата усмехнулась, уселась на лавку рядом с котом и за ухом того почесала. Кот лениво приоткрыл зеленый глаз, покосился на девушку и снова задремал.

– Так кто такая-то будешь? – старушке явно хотелось диалога.

– Агата меня зовут, и я тут немного в лесу заблудилась. Вот, шла-шла... Избушку вашу нашла.

– Заблудилась? Верю. Много вас таких в лесах здешних сгинуло. Небось, по грибы пошла? Кустик за кустик...

– Да, и по ягоды, – радостно закивала Агата. – Деревце за деревце... Корзину потеряла по дороге, долго плутала.

– Голодная, поди?

Агата вздохнула. Молодой организм давно уже требовал подкрепления.

– Что ж, коли зла не мыслишь, то умывайся – вода вон в ведре. Ковш на стенке. Да садись за стол. Пирог с малиной любишь?

– А кто же их не любит? – искренне удивилась тигрица.

Пока девушка умывалась, бабка собрала на стол. Двигалась она, несмотря на свою внешнюю дряхлость, весьма шустро. Самовар поставила, блюдо большое с румяными пирогами, чашки такие... словно из глины вылепили лет этак двести назад. Сахара, правда, не предложили, но и так славно.

Пирог были прекрасны, и их было много. Чай пах шишками и лесными травами. Агата почувствовала себя совершенно счастливой.

– И откуда же ты, красна девица? – пристально смотрела бабка, подперев морщинистую щеку рукой.

– Оттуда, – неопределенно махнула Агата, решив, что рассказывать про всякие там ритуалы и другие миры не стоит. Во-первых, никому это не интересно, а во-вторых – еще сумасшедшей сочтут. Или поверят и не сочтут, и неизвестно, что еще хуже.

– Из Масленкина, что ли?

– Ага.

– Далеко забралась. Что ж мне делать-то теперь с тобой?

Агата вместе с последним пирожком проглотила вертящееся на языке “накормить, напоить, в баньке попарить да спать уложить”, а только молча посмотрела на бабку, которая, между прочим, так и не представилась, своими кошачьими глазами.

– Ну, до дома тебя провожать тут некому. Был у меня клубочек, так его последний мой гость так и не вернул, чтоб у него уд срамной отсох. Сама ты дорогу не найдешь...

– Милостивая хозяйка, не знаю, как вас по имени, – начала Агата издалека.

– Бабой Аленой кличь.

– Ага. Мне пару дней отдохнуть, осмотреться. Может, вам чем по хозяйству помочь нужно?

– А как не нужно, еще как нужно! – оживилась бабка Алена. – Дров вон принести бы да наколоть, окна помыть, петли на двери смазать, крыльцо вымести да в огороде сорняки выполоть.

Так, еще и огород! Здорово эта бабулька придумала, конечно. Ну ладно, за язык тигрицу никто не тянул, придется полоть.

Только, если можно, не сегодня. От обильной еды и травяного чая девушку уже клонило в сон. К тому же, прежде чем наткнуться на эту избушку, она действительно бродила по лесу несколько часов. И хотя Агата была привычна и к марш-броскам, и к бегу по пересеченной местности (спасибо, папа!), усталость все же брала свое.

Тигрица весьма неаристократично зевнула, медленно моргая глазами, и до старушки наконец дошло, что “спать уложить” – самое время.

Ворча, бабка Алена выдала Агате перьевую подушку и лоскутное одеяло, ткнула пальцем в узкую лавку, сталкивая на пол кота, а сама задула свечу и полезла на печку.

Агата уснула мгновенно.

Спала, правда, плохо, беспокойно. Бабка храпела на печи, как заправский боцман, кот периодически прыгал на грудь, нагло требуя освободить его лавку, ну и вообще... место новое, лавка жесткая, волки за окном воют. Неуютно.

Поэтому встала с рассветом, разбитая, невыспавшаяся и злая, и отправилась искать туалет типа “сортир”. К счастью, нашла: за домом имелась дощатая будка даже с дверью, что не могло не радовать.

Да много всего тут нашлось, кстати: и сарайчик, из которого недвусмысленно доносилось козлиное бляение, и поленница, и огородик.

Хотя... Агата привыкла к совсем другим масштабам. По ее мнению, огород – это нечто с теплицами, огуречными грядками и плодово-ягодными насаждениями. А тут... Всего-то три грядки с луком да морковкой и хилая яблонька сбоку.

Ага, колодец тоже имеется, и бочка большая возле дома. Воды в которой – на донышке. Задача ясна.

К тому времени, как бабка соизволила проснуться – а старческой бессонницей ведьма явно не страдала – Агата уже натаскала воды, безжалостно уничтожила все сорняки и взялась за поленницу. Сидеть без дела тигрица не любила.

– Ты что наделала, окаянная? – взвыла бабка, оглядев свой огород. – Ах, вредительница! Я ее поила-кормила, а она! Скудоумная визгопряха, коза ты непутевая!

Агата медленно выпрямилась, не выпуская из рук топора, и с удивлением на старуху поглядела.

– Что-то не так, баба Алена? – ласково спросила она.

Бабка, видимо, впечатлившись мощной девичьей фигурой, скорбно вздохнула.

– Ты пошто всю полынь повыдергала, растетеха? Для тебя я ее, что ли, выращивала? А болеголов? А белладонну – ах, какая у меня росла белладонна! Вредительница ты криворукая!

- А я думала, у вас тут морковь... – растерялась Агата.
- И морковь тоже. На грядке с морковью полынь особо сочная растет. Эх, бестолочь, – бабка махнула рукой и, охая, побрела обратно в дом. Из окошка донеслось:
- Как с дровами закончишь, завтракать иди, горе ты луковое. А козу умеешь доить?

3. Агата торгуется

Да чтоб тебя черти лесные задрали, бабуся, сколько можно? Агата уже начала сомневаться, что выход из этого мира домой она найдёт именно здесь. Наверное, пора идти дальше, искать другой ориентир, да вот только куда? В лес ещё глубже? И кому там дары невероятной ценности преподносить? Зайцам? Волкам? Лешему? О, про лешего мысль интересная, а вдруг?

Не смешно.

В школе Агата училась “вполуха” и вовсе была бы двоечницей, если бы... Ее угораздило родиться в самой что ни на есть непростой семье. Единственная дочь, старшая внучка, ее мать – Великая ведьма, владелец огромной строительной компании, отец – блестящий офицер, единственный наследник, альфа, глава рода, бла-бла-бла, все дела. Родственнички все как на подбор: могущественные, талантливые, великие. Можно было особо когти и не рвать, все и так давалось ей слишком легко и просто. Захотела бы – и родня пристроила бы ее в теплое местечко, а то и вовсе обеспечивала до скончания веков.

Первый в своей жизни взрослый поступок Агата Гессер совершила, поступив в Академию. Да, было непросто: сцепив зубы, занималась, зубрила, готовилась. Это был просто прорыв, подвиг. Что ж теперь, прозябать ей на бабкинских грядах? Ну уж нет.

У нее есть вполне определенная цель: выбраться из этого мира и вернуться домой. Вот только где искать ей теперь этого несчастного или несчастную, которым предстоит стать жертвами ее благодетельства? Что дарить?

Ох, как же ей надоело уже сидеть на месте!

Елки зеленые, огород вылизан – ни травинки там, ни былинки. Грибов из леса притащено столько, что лет на десять хватит. Тигрица их несколько дней потом резала и на нитку нанизывала. Бабкина изба была вся в грибных бусах. И не только изба, грибы были повсюду, даже на заборе. Кстати, забор системы «частокол обыкновенный деревянный» Агата старушке тоже обновила. Чем не подарок ценный? Впрочем, сама понимала: не то. Коза, несколько корзин ягод, уничтоженное гнездо с осами (вот это дело Агата смело засчитывала за подвиг), вымытый дочиستا домик, кажется, никогда раньше подобного блеска не видывавший. Но это все было не то, мелочи какие-то. Нужно было настоящее дело. Поэтому, когда бабуля за завтраком начала расспрашивать, каким оружием ее прожорливая гостя владеет (ну да, Агата – девушка крупных статей и отменного аппетита), тигрица смекнула, что вот оно – то самое, ради чего она в этот мир угодила. Что нужно делать? Сразиться с драконом? Освободить принцессу? Уничтожить циклопа? Поймать жар-птицу?

Но бабка смотрела умильно, крошила пальцами бублик и говорила полную ерунду:

– Я уж старая, Агатушка. Раньше могла хоть за тридевять земель пешком пойти и вернуться, да ещё по дороге пару мужиков... в смысле, две корзины грибов набрать. А теперь устаю быстро, ноги болят и голова кружиться начинает.

Агата знала, что бабка нагло врет. Вчера эта «беспомощная старая женщина» гонялась по лесу за сбежавшей козой. Мало того, что она ее догнала, так ещё и кабанчика в процессе умудрилась поймать. Маленького такого, полосатого. Принесла, заперла в сарае. Сказала, что мясо в хозяйстве лишним не будет. Обалдеть просто! И ведь бабка – стопроцентный человек. Это оборотень любого кабана догонит, но чтобы старушка – да где это видано?

Впрочем, у бабуся тут хозяйство: грибы сушатся, коза доится, поросёнок растёт. Конечно, она никуда не уйдёт.

– Сестра Васька у меня на другом конце леса живет, до неё четыре дня неспешного пути. А я ведь давно ей обещала травки всякие отправить да натирку от радикулита. Вот, я смотрю на тебя, лапушка моя, и думаю: девка ты справная, сильная. Топор возьми да и иди напрямик через лес.

– Только топор? Хороша же я буду: связка травок, баночка с мазью и с топором наперевес.
– Еще будет письмо. Без него она на порог тебя даже не пустит.

То есть она вот серьезно сейчас про топор?

На лице у Агаты изумление проступило так явственно, что старуха поспешно добавила:

– Дам с собой провизию, мяска сушеного, овощей, хлебушка, травок, огниво и котелок.
– Оружие?

Бабка вдруг перестала прикидываться веселенькой милой старушкой, о чем-то задумалась, полыхнула злым взглядом на Агату.

– Есть немножечко. Дам тебе ножичек.

Выложила на стол какой-то убогий нож в кустарных ножнах из толстой замши. Агата поглядела: не слишком острый, не особо и большой. Ну, зайца выпотрошить можно или грибы срезать, а как оружие – совершенно бессмысленно.

– Ты топор покажи, не больно-то нравится мне твое убожество. Да, и самое главное: плата?

Бабка поежилась, доставая из-за сундука у стены сверток кожи.

– Два золотых.

– Э, нет, бабусенька. Что там ты про козу говорила? Купила в деревне ее за золотой? Это я буду рисковать своей шкурой, бегать по лесам, где грибки почем зря все теряются, за две козы?

Глаза у бабки масляно сверкнули. Ишь ты! Девка-то непроста. Как раз то, что надобно.

– Четыре.

– Сорок, бабуленька. Я видала, сколько платят за травки твои. Двадцать сразу и двадцать – как я вернусь.

Старуха всплеснула руками.

– Да ты разбойница!

Час они торговались, чуть не подрались. Старушечка оказалась азартной.

Устали, вспотели, сошлись на восемнадцать на выходе, двадцать на входе.

Агата забрала у бабки нож, проверила балансировку, покачав его на указательном пальце, метнула не глядя через плечо, полоснула по волосам и осталась довольна.

– Завтра утром иду.

Она стояла на крыльце, рассматривая небо этого мира. Как успела заметить уже – законы природы тут были похожи. Небо безоблачно, роса утром упала хорошая, погода ясная будет стоять еще точно дня три.

Спасибо родителям и их друзьям: все друзья “Семисветики” не были неженками, с детства ходили в большие походы и не по маршрутам туристов. Их брали в настоящие экспедиции. Леса Агата совсем не боялась, любила и знала. Четырехдневный маршрут по направлению солнца и с ориентирами? Такая задача была ей по силам уже лет в четырнадцать.

Еще было нужно собраться и выспаться, но азарт и вечная тяга к приключениям будоражила девушку, уснуть она не могла еще долго.

Старуха внимательно слушала дыхание девушки. Так внимательно, что сама задремала, а когда пробудилась, было далеко уже за полночь. Соскользнула с кровати хозяйской, мысленно чертыхаясь. У нее было еще дело на сегодня, незаконченное, важное и неотложное.

Тихо прислушалась к госте – та крепко спала. Вот и прекрасненько, то, что нужно.

Засунула костлявые ноги в мягкие тапочки, сшитые из тонких кротовых шкурок, едва слышно скрипнула дверью и была такова. Ночные светила, так удивившие Агату в первую же ночь прибытия в этот мир, освещали лесную тропинку. Бабулька спешила, живенько перебирая ногами. Тропа уходила в густой столетний ельник, потом поворачивала у болота, взбиралась на горку в сосняк и вела на большую опушку. Тут-то и ждал ее гость таинственный.

Четвероногий, хвостатый и серый, разумный вполне.

– Прости, серенький, старую, заждался поди?

Волк, лежавший на брюхе у массивного древнего пня, тихо сел. Неправдоподобно огромный, размером с лесного медведя. И глаза совершенно не волчьи, человеческие: серые, очень печальные. Зарычал низко, внушительно, показывая старухе кончики массивных клыков.

– Ну, чего ты, серый. Свою службу я знаю, долги отдаю. Завтра утром уйдет в лес моя гостья. Специально для тебя и держала. Прямиком отправляю ее к домику лесника. К ночи должна быть, там и лови.

Волк внимательно посмотрел старухе в глаза, угрожающе зарычав.

– И не сумлевайся, родимый. Подойдет эта девка тебе. Сладкая до чего, пальчики просто оближешь. А топор я ей дам, так он тупой. Да и что девка сделает с топором? Ну что, долг оплачен?

Волк демонстративно встал на все четыре массивные лапы, презрительно развернулся и потрусил в лес. Разговор был окончен.

Ну хвостатый... Застрянет девонька эта у тебя в твоих зубах, ой застрянет!

И старуха поспешила обратно, размышляя в пути: кто кого? В любом случае она только выиграет: если волк девку скрутит, долг будет зачтен. Если Агата прибудет этого неудачника – возвращать кровный долг будет некому, а у них с сестрой будет проверенный свой гонец. Все выходило отлично.

Одного старая не учла совершенно. Волк бегал куда быстрее нее. Уже через несколько кратких минут окно в лесном домишке приоткрылось, и в него тихо влез серый волк. Так ловко, будто не махина мохнатая лезла, а мышка-норушка скользнула, даже штору не отведя.

Запах. Тот самый. Ударил прямо в грудь, да так, что в глазах потемнело. Пришлось даже дыхание задержать. Да, головокружительно сладкий, манящий, напрочь отключающий разум. Каких трудов стоило сдерживать приступ безумия – одни боги знали.

Беззвучно подошел зверь к полатам. Красавица-гостья спала. Не солгала старуха, тут было, на что посмотреть. Разметалась по простыням, такая нежная, такая трогательно-беззащитная: полная грудь, едва прикрытая лоскутком тонкой ткани, белокурые локоны, молочная кожа. В свете лун волку казалось – перламутровая. Яркие губы, пушистая тень ресниц. А как она пахла... Неимоверно, заманчиво, притягательно и... опасно. Зверь едва удержался, чтобы не взвыть от нахлынувших вдруг ощущений. Хороша. Если выйдет все без подвоха, так и быть, засчитает он старухе Алене старый долг перед отцом выполненным.

Волк тяжело вздохнул и снова выскользнул тенью в окно. Под окном выругался вполне человеческим голосом: он умел, но при старухе своих достоинств не демонстрировал. Ждать ему осталось очень недолго. Коли справится он с задуманным, проклятье спадет, и тогда... ох уж эти мечты о свободе!

4. Прямо пойдешь – ничего не найдешь

Еще в раннем детстве отец научил Агату высыпаться в любой обстановке. На коврике, в тесной палатке, на жесткой стальной кровати, даже просто на сене. Принудительно отключая сознание, Агата себя заставляла уснуть расслабляясь. Вот и сегодня, несмотря на вчерашние волнения и предвкушение приключений, она проснулась очень рано, с первыми лучами летнего солнца, бодрая и отдохнувшая.

Старуха спала еще, громко храпя и посапывая, выводя целые трели. Птицы пели, в приоткрытом окне было видно зарю, золотящую лес на пригорке. Потянулась, подумала вдруг, что, наверное, это странное утро было гораздо лучше большинства встреченных дома. Серых, безрадостных и безнадежных. А ну их, эти воспоминания!

Сегодня в избе было что-то не так, как вчера, ей показалось вдруг, что пахнуло легким духом зверя. Агата приняхалась. Как интересно, у них были гости сегодня? Встала, ведя чутким носом тигрицы. Вот оно: на выбеленном подоконнике отчетливо виднелся след огромной лапы. Это кто же у нас тут такой опрометчивый? Приложила ладонь, удивилась – размер, действительно, впечатляющий. Песик... след принадлежал явно роду собачьих. И судя по масштабам следа – двуликий. Агата мечтательно улыбнулась. Наконец-то приходят они – приключения и неприятности! Успела соскучиться даже.

С заметно поднявшимся настроением она быстро умылась, заплела две косы, провела беглую ревизию амуниции и одежды. Когда все уже было готово, позавтракала, даже посуду помыла. А бабка все так же спала безмятежно.

– Ей. Как-вас-там! Алена свет-Батьковна! Глазньки ясны откройте. Светит солнышко с утра, в путь-дорогу мне пора. Груз бы получить да маршрут, а вы спите и спите.

– А! Что?

Бабка аж подпрыгнула (очень даже живенько), замахала зачем-то руками на девушку, чуть не плюнула.

– Я жду вас уже почти час. Мне бы выйти до полудня, вы слышите, уважаемая?

– Слышу, слышу. Ишь ты, собралась, говоришь? Вона, на сундуке стоит кузовок тебе. Там провизия на дорогу и два каравая. Первый дашь мельнику. Второй – ежели нагонят тебя люди военные. По лесам ходит патруль, ловят пришлых и подозрительных.

– Ага. Топор, значит, от патруля отбиваться? Или от “подозрительных?”

Бабка прищурилась хитро, пошамкав губами.

– А ты, погляжу я, смышлена. Ну так и выберешь по разумению, отбиваться али договариваться.

Хитрая бестия, натуральная ведьма. Ну и ладно, Агате не страшно.

– Куда мне идти?

Бабка нахмурилась размышляя. Сползла наконец с сундука, дотянулась до полки над печкой, вытаскивая оттуда конверт и аккуратно сложенную тонкую кожу.

– Вона, смотри. Это карта. Видишь – вот дом мой, по левую руку река, на ней мельница. Это первый ночлег твой.

На кожаной этой основе карта была не нарисована – вышита черным шнуром. Не сотрется и точно не смоеется. Маршрут девушки был продет красной нитью.

– Через реку тут мост?

Красная нить вела сразу за мельницей через реку и дальше. Старуха замялась, забегала глазками, даже поерзала.

– Брод. Моста нет уже третий год как, паводком смыло.

Под мельницей, паводком. Точно, ага, это пусть зайцам лесным бабка сказки рассказывает, не Агате. Но решила молчать, разберется на месте.

– Дальше? Это дорога куда?

– В столицу, тебе туда точно не надо. Тут поворачиваешь, значит, к горам, там будет таверна. Посто́й ты оплатишь вот этим.

На карту легло маленькое серебристое перышко. Круглое и гладенькое, как монетка.

– Третья ночевка?

– Идешь точно на горы. Там будет развилка, одна тропа дальше ведет через мост, на заставу, туда не ходить! Тебе надо направо. Увидишь еще, та тропинка будет едва ли заметна, тонюсенька. Справа лес вековой, слева тракт королевский – не потеряйси. Вот по той по тропинке к закату, глядишь, и дотопаешь до пещеры волшебной. Внутрь не лезь, дорогуша. Открытая ежели будет – беги. Там рядышком притурнись, а поутру бегом и до полдня дойдешь до сестрицы моей ненаглядной, с поклажею ценной. Там разберешься, сердешная.

“Сердешная”, значит. Ну-ну. Агата оделась, любовно зашнуровала родимые берцы, вывешивая на ремне ножны с ножом. Туда же – топор на охрaнок. Хороша же!

Натуральная Красная Шапочка, жаль только, подходящего костюма не было. Юбочки, фартучка и непременно белых гольф. О да! В подобной амуниции на рослой и сильной барышне можно легко пугать волков и дровосеков. Во всяком случае, если бы ей в лесу встретилась тётенька с топором и в красной шапочке, сама Агата предпочла бы обойти ее далеко стороной.

Ничего, ее наряд был гораздо удобнее в лесу, который вообще не казался ей страшным. Диких зверей девушка не боялась, это они должны были опасаться морфа. И ее топора. А люди... людей ее жизнь бояться и вовсе отучила. Потому что, по сути, никто и ничего тебе сделать плохого не сможет, пока ты этого сама не разрешишь. Ни обидеть, ни унизить, ни сердце разбить. Агата знала это точно – потому что когда-то доверчиво разрешила. Сама виновата во всем, разумеется.

В этом мире все было настолько понарошку, настолько сказочно – как в РПГ-играх или даже в мультфильме. Зато мысли о том, кто был ей недавно нужнее воздуха, казались размытыми и полустертыми. Сердце успокоилось, голова была пустая, как воздушный шарик, под ногами пружинил ковер из сосновых иголок, а еще – воздух вокруг был невероятно чист и свеж. Чем не отпуск? Прямо-таки – санаторий!

Кстати, про санаторий: перекусить бы. На берегу обещанной бабкой реки, ага. Вот только что-то не наблюдала Агата той самой речки даже в помине. Достала карту, повертела ее в руках: ясно-понятно, местные не изучали в школе ни ориентирование на местности, ни картографию. Очень красиво, но ни черта не понятно. Река вроде бы по левую руку должна быть, и тропинка – вот она под ногами, а лес, значит, справа. И что за треугольники непонятные: не то орнамент для красоты, не то горы, не то забор какой-то.

Нет, так дело не пойдет!

Остановилась посреди тропинки, прислушалась к лесу: шорохов посторонних не наблюдалось, запахов тоже. Выбрала елку повыше и потолще, встряхнула кистями рук, частично трансформируя их в тигриные лапы с вот такими здоровыми когтями, да полезла вверх по стволу – осматриваться. Некстати выскочивший хвост цеплял на себя смолу и иголки и всячески мешал ей, но что поделать, такая уж она была неправильная тигрица. Толком оборачиваться у Агаты не выходило никогда.

Когда ветки стали подозрительно хрустеть и гнуться, тигрица огляделась и совершенно неаристократично присвистнула. Река неожиданно нашлась, правда, совсем с другой стороны. И даже мельницу глазастая Агата разглядела, а на горизонте действительно виднелись горы. Вот только по всему выходило, что полдня девушка шлепала совершенно не туда. Ну бабка, ну погоди. Карту бракованную подсунула, никак вообще другой лес там был бышит.

Нет, что старушка-веселушка ее сгубить хотела, Агата даже не подумала. Деньги ведь дала, и корзинку в дорогу собрала. Скорее всего, у кого-то уже просто деменция состоялась.

Вот только Агате ничуть от этого не легче. До реки она сегодня уже никак не дойдет. А ночевать посреди леса, конечно, заманчиво, но немножечко холодно. И, пожалуй, слишком утомительно. Медведей она уже видела, волчий дух чуяла, а какие звери еще могут ночью прийти к ней знакомиться, даже и выяснять не хотелось. Огляделась еще раз, уже более пристально, и к своему восторгу обнаружила между деревьями струйку дыма. Где дым – там огонь, а где огонь – там люди. Лишь бы не разбойники какие, а там она с любым общим языком найдет.

Решено – идем к людям.

Повеселевшая Агата снова беззлобно пробурчала под нос что-то невнятное про “старость не радость”, спустилась аккуратно с дерева и отправилась строго на восток. Кстати, тропинка вела именно туда.

Лесные расстояния обманчивы. Не раз и не два Агата произносила в адрес старушки слова куда более неприятные и негативно окрашенные. И себя, дуру, тоже ругала: ну что ей стоило залезть на елку раньше?

Ноги гудели, в животе бурчало от голода. Горсть ягод, собранная возле тропинки, желудок не успокоила, а только раззадорила. Если бы не остро ощущавшийся запах дыма, Агата бы уже присела на пенек и слопала бы пирожок, в смысле, каравай хлеба. Ничего, служилые переживут, самой мало. Но сделать это у огня ей хотелось все же немного больше.

А потом деревья вдруг расступились, и на лесной полянке нашелся домик. Еще один. Не такой ухоженный, как у бабки Алены, скорее, уж хижина убогая, мхом поросшая, но из трубы клубился дымок и вообще ей почти даже почудился запах жареного мяса.

Ура, печка! Еда!

Дальше ноги сами понесли ее к чудо-строению. Окна у домика были затянуты мутной пленкой, разглядеть ничего не удалось, но судя по размерам и степени заброшенности, сорок разбойников там бы точно не поместились, а значит – вполне себе безопасный ночлег.

Забарабанила в двери, разумно опасаясь, что обитатель сей хижины не менее стар, чем ее бабка. Вдруг глухой? Вздрыгнула, услышав хриплый, чуть надтреснутый голос:

– Кто там?

“Это я, внучка ваша Красная Шапочка” – чуть было не ответила Агата, но, затолкав неуместное чувство юмора куда-то в район желудка, откликнулась:

– Есть кто дома? – очень уместно, ага. Верх догадливости. – Сами мы неместные, так есть хочется, что переночевать негде.

За дверями озадаченно молчали. Пришлось попытаться еще раз.

– Заблудилась я немножко. Я безобидная девушка. Честно.

– Ну заходи, коль не шутишь.

Агата толкнула с силой противно заскрипевшую дверь, поморщилась от запаха затхлости и почему-то псины, наклонив голову, прошла.

Несмотря на видимую ветхость избушки, внутри было довольно просторно. Даже кровать имела, причем почти двуспальная. С периной, подушками и даже одеялом. Невольно в голову полезли мысли, что домик этот принадлежал тайным любовникам.

– Кто здесь? – на всякий случай спросила девушка у копошащегося под одеялом “нечта”. Или, скорее, “некта”.

– Здесь я, – информативно и честно ответило одеяло простуженным голосом. – А ты кто?

– Заблудилась я, – повторила Агата, оглядываясь.

До чего ж странное место! Явно жилое, причем внутри гораздо более ухоженное, чем снаружи. Стены покрашены светлой краской, на печи кокетливая занавесочка, на столике возле окна – две фарфоровые чашки с блюдцами и круглый чайник, блестящий медными боками. Весьма и весьма романтично.

– Так я переночую? – уточнила Агата у одеяла, ощущая себя полной душой.

Ситуация становилась все более абсурдной. Получается, что она ворвалась с чужое любовное гнездышко и теперь разговаривает не пойми с кем, стоя посередине комнаты. А вдруг там, под одеялом, вообще двое? Но зачем тогда ей позволили войти? Она ничего не понимала и начинала тихонечко злиться.

– Ночуй, внученька, ночуй, – милостиво согласилось одеяло. – Кровать большая, ложися с краешку. Только сапоги снять не забудь.

Ну, если она внученька, то под одеялом – бабушка? Хотя, по намекам, скорее, дедушка. Причём, судя по всё более явственному запаху псины – морф.

Агата решительно приблизилась к кровати и потянула на себя одеяло. Одеяло не сопротивлялось.

Представшая перед девушкой огромная волчья морда с огромными ощеренными клыками, ее даже почти не напугала.

5. Придёт серенький волчок

– Бабушка, – ласково сказала Агата. – А почему у вас шерсть на морде? Вы забыли побриться?

Наверное, надо было начинать с глазок, плавно перейти к ушкам и закончить зубками (причём, можно даже поискать визитку стоматолога), но чего тянуть морфа за хвост?

Наконец-то все стало просто и понятно, и можно начинать переставать быть вежливой.

Волк явно решил так же. С глухим рычанием он бросился на девушку, не то, действительно, собираясь проглотить ее в один присест, не то все же планируя поужинать по частям.

Не на ту напал ты, братец серенький.

Тренировки отца не прошли для Агаты бесследно. Легендарный Макс был и оставался не просто великолепным бойцом. Потомок Великого Светлого был еще и отличным отцом: чутким, мудрым. Из его рук выходили настоящие мастера боевого искусства. А уж свою старшую дочь Максимилиан научил всему тому, что для девушки было доступно – почти всему.

И от волчьих клыков она увернулась без труда. Схватила зверя за уши, дернула изо всех сил, перекатившись, оседлала лохматую тушу, сжимая сильными коленями шею. Нет, убивать морфа она не собиралась – сначала расспросит, а вот потом подумает, как быть дальше. Для проформы пару раз приложила растерявшегося от ее прыти волка мордой об пол и только затем заглянула в его глаза. Вполне себе человеческие. Серые, красивые и очень грустные. В глазах этих сейчас отражалось ее лицо.

В дверь неожиданно застучали, да так, что стены ходуном пошли. Увлёкшись веселой схваткой с волком-оборотнем, Агата пропустила появление на сцене новых действующих лиц. М-да, папа был бы разочарован подобной небрежностью.

– Откройте! – раздался голос снаружи.

Ага, щас, спешит и падает, просто волосы назад.

Агата внимательно взглянула в глаза волку-неудачнику, прислушалась к шуму за дверью. Снова посмотрела на волка.

– За тобой пришли? – шепнула она. Тот кивнул, выразительно морща нос. – А чего они дверь открыть не могут? Я ж открыла.

– М-магия, – придуманно ответил волк. – Пока я не разрешу, дверь не откроется.

Тем временем снаружи явно готовились к штурму. Вот ведь невежи! По-хорошему даже не попробовали! А переговоры провести? А увериться, что тут заложника нет? Идиоты!

– И что с тобой сделают? – девушка слегка разжала пальцы на горле у бедняги волка, позволяя ему вдохнуть.

– Убьют.

– Ясно. Ну что, «мутабор»?

Волк вытаращил глаза, но было поздно. Заклинание принудительного оборота запущено. Уж в чем, в чем, а в отсутствии магической силы Агату обвинить было сложно. Если уж она сказала «мутабор», то обратно уже не отмотаешь. Вот в чем прелесть семейственности и происхождения. У Великих родителей рождаются хитрые дети.

Посмотреть было на что: “волка” выгнуло, скрутило в спираль, он застонал сдавленно – явно от боли. Странно, такого быть не должно, оборот морфам боли не причиняет. Обычно. В ее мире и ее знакомым морфам. Ничего, справился. Облез, облысел, упал без сил на пол, содрагаясь. Голый абсолютно. Судя по довольно-таки костлявому долговязому телу – совсем еще мальчишка.

Агата рассматривала его без всякого стыда. Высокий, с длинными руками и ногами, отменной задницей и вполне накачанной спиной. Лохматый, конечно, словно его несколько лет не стригли.

– Эй, волк, ты сам до кровати доползти сможешь?

– Зачем? – мальчишка поднял голову и вытаращил глаза, глядя на то, как Агата быстро стягивает с себя рубашку.

– Будем твою хвостатую задницу спасать.

– Зачем?

– Благотворительность.

В дверь уже долбили чем-то тяжелым.

Волк явно ничего не понял, но с трудом поднялся. Сначала на четвереньки, а потом и на ноги. С глубоким изумлением поглядел на руки, затем пошевелил пальцами ног, а после... Ну, что сказать – у парня работает все. Совсем все. Агата прищурилась довольно – ей, кажется, только что сделали комплимент.

– Ты говорила про постель? – напомнил парень, неловко пытаясь прикрыться руками.

– Да, и быстро.

Агата стянула и штаны, оставшись только в спортивном белье, скептически оглядела одеяло, нашла его довольно чистым и нырнула туда, тем более, что выламываемая дверь уже начала жалобно скрипеть и поддаваться.

Парень, кажется, решил урвать напоследок свою толику удовольствия и, прыгнув следом за Агатой, немедленно облапал ее зад и весьма энергично попытался залезть в трусы.

– Укушу, – пригрозила девушка, опасно клацнув зубами возле его носа.

– Куда укусишь? – низким бархатным голосом мурлыкнул бывший волк.

– Куда дотянусь. Кусаюсь больно и глубоко, потом обратно не пришьешь.

– Ух ты какая!

Бабах! Несчастливая дверь вылетела, в избушку ввалилось несколько здоровых мужиков с топорами наперевес.

М-да, похоже, топор здесь – самое ходовое оружие. Или это дровосеки пожаловали?

На всякий случай Агата взвизгнула и спряталась под одеялом, заодно крепко ущипнув за бок так и не убравшего свои шаловливые ручонки волка. Тот зашипел от боли, сдавленно выругавшись.

– Какого демона тут происходит? – раздался, наконец, разумный вопрос со стороны “лесорубов”.

– Да, я бы тоже хотела это узнать, – высунула голову из-под одеяла Агата. – Вы кто такие?

– Патруль. Охотники на магических и немагических монстров.

– Очень приятно, а мы тут при чем?

– Мы пришли по следам волколака.

– Я похожа на волколака?

– Нет, но...

– Может быть, я похожа на девушку, которая занимается всякими непотребствами с волколаком? – в голосе у Агаты зазвучали металлические нотки.

Ее сосед по постели продолжал хранить гордое молчание, не забывая при этом оглаживать пальцами ее задницу. И руку ломать ему было уже поздно, а жаль. Ох, уж эти мужики, заиграются в свои мужские игры, а девушкам потом разруливать!

– Вы похожи на даму в беде, – неожиданно заявил один из лесорубов, приближаясь катстрофически близко к кровати. – Кто вы, вообще, такая?

– Баронесса Гессер, – нагло ответила Агата, прижимая одеяло к груди. – А вы не желаете представиться?

– Жозеф Лур, королевский маг, охотник за нежитью и нечистью.

Королевский маг – между прочим, весьма привлекательный мужчина лет тридцати на вид, разодетый, как самый натуральный принц – это для погони-то по лесам и болотам, ага! –

попытался стянуть с нее одеяло. Агата была против. Демонстрировать свои прелести всей толпе лесорубов, то есть, простите, патрульных, баронессе Гессер совершенно не хотелось.

– Руки свои убрал, – наконец, догадался подать голос морф. – Куда лезешь-то? Тут тебе ничего не светит!

Ох, как будто кому-то вообще тут что-то светит!

– А ты кто такой?

– Я...

– Мой оруженосец, – перебила Агата дурашку наивного (еще бы паспорт им всем показал. Или не паспорт, а что у них там в этом мире бывает). – И не смотрите на меня так, господа, моя нравственность – не ваше дело.

– Не волколак, – с явным сожалением констатировал “королевский маг”, хорошенько разглядев парня в постели. – Ошибочка вышла.

– Извиниться не желаете?

– Простите великодушно, что прервали ваши забавы, – насмешливо протянул маг. – Но мы стучали, стучали...

– Мы думали, это разбойники. Приличные люди представляются перед тем, как вломиться.

Глаза мага хищно сверкнули фиолетовыми всполохами. Силы в нем Агата чувствовала вполне реальные – физические и магические.

– Дражайшая баронесса, – серьезно сказал он. – На вашем месте я бы был немного скромнее...

– Сомневаюсь, что вам так уж хочется оказаться на моем месте, – сладко улыбнулась Агата. – Вы еще что-то хотели? Извините, но мне бы одеться... Раз уж дверь, господа, вы все равно уронили.

– Мы уйдем, вот только... – маг явно сомневался. – Обещайте, ваша светлость, что если что-то увидите или услышите – обязательно сообщите мне лично.

– Ага, непременно отправлюсь на розыски.

– Нет, зачем же так сложно, помилуйте, – маг снял с шеи кожаный тонкий шнурок с массивной подвеской и фиолетовым камнем в ней. – Вот вам артефакт связи. Достаточно взять камень в левую руку и произнести мое имя. Я сразу отвечу. Договорились?

– Договорились, – нехотя ответила Агата, догадываясь, что маг этот вовсе не прост и в покое ее не оставит. И чего ему от нее нужно, скажите на милость?

Маг положил на стол свой артефакт – рядом с чашками, вздохнул, заглянул зачем-то в чайник и ушел. За ним ушли и “лесорубы”. Агата попыталась выползти следом из-под одеяла, но была крепко схвачена сильными цепкими руками и вжата в подушки. Волк все же не внял предупреждению и даже попытался прижаться к ее губам своим ртом. Фу. Зубы он явно не чистил очень давно.

Девушка глупца жалеть не стала, мигом применив излюбленный женский прием самозащиты – удар между ног коленом. Волк взвыл и скрючился на постели.

Агата же совершенно спокойно, не обращая на ушибленного ни малейшего внимания, принялась натягивать штаны, футболку и ботинки, а потом тоже заглянула в чайник и чашки. Чайник был девственно пуст. В чашках – остатки какой-то бурой жидкости.

– Эй, убогий, тут пожрать есть чего? – деловито спросила девушка.

– А я почему знаю? – морф наконец относительно пришел в себя, завернулся в простыню наподобие греческой тоги и теперь заглядывал через плечо Агате.

Был он, как она и подозревала, очень молод. А еще лохмат, крайне небрит и отчего-то почесывался. Борода росла у него какими-то клочками, волосы над верхней губой местами кудрявились. Смешной такой оборотень, обнять бы и плакать.

– А одежда твоя где?

– Нету у меня одежды. Я три года вот так... на четырех лапах бегал.

– О! Идеальный?

– Проклятый, дорогая моя ведьма, цинично и безжалостно проклятый своей любимой невестой.

– Ты залез ей под юбку без спроса? – хмыкнула Агата, нагло копаясь на полке и с радостью обнаруживая там деревянную кадку меда и мешочек с травяным чаем.

– Если бы. Берег ее, дуру. А она меня вот так...

– А я тебе зачем?

– Бабка Алена сказала... – волк замялся, а Агата резко выпрямилась, гневно сверкнув глазами. – Она много всего о тебе говорила, всего не упомяну. Ну, в общем, мне надо было тебя укусить. И поиметь. Или сначала поиметь, потом укусить. Не помню.

– В волчьем обличье? – ледяным тоном уточнила девушка.

– Ну-у-у...

– Извращенцы!

– Но ведь я же не сделал тебе ничего дурного, – рявкнул морф, резво отскакивая в сторону.

– Не смог потому что.

– Да.

– Бабка Алена, значит, сказала, – зловеще пробормотала девушка. – Ну-ну.

– Да нет, – заюлил морф, спуская простыню на бедра и якобы случайно демонстрируя Агате поросшие бурой шерстью грудные мышцы и кубики живота. Сложен он был очень неплохо, Агата это сразу заметила. – Не обязательно тебя. Любую невинную девицу.

– Невинную? – тигрица хмыкнула, пробуя пальцем мед и совершенно не замечая, как жадно пялится на нее волк. – Вот облом, малыш. Невинностью тут даже не пахнет.

– Мужиком от тебя тоже не пахнет, девонька – обиженно пробурчал парень. – Слушай, там за домом есть колодец. Давай я воды принесу? Чайник поставим, а? Жрать охота.

– Неси. И печь топи. У меня есть хлеб.

6. О личной жизни

Мужиком от нее, значит, не пахнет? Вот сейчас обидно. В первую очередь потому, что с личной жизнью у Агаты были проблемы, и серьезные. Просто проблемщица.

Хотя... может, парень и прав. Мужиком там и не пахло. Сколько раз говорила уже себе молодая тигрица: им нужно было оставаться только друзьями. Но оборотни очень темпераментны. И этот великий ведун, а на деле – огромный засранец, позволил ей перейти эту грань. Как всего лишь позволил Агате любить себя. Девственница, соблазнившая мужика, старше ее на четырнадцать лет? Это все про нее, про Агату. Что поделаешь – похотливая кошка, как Пашка ее называл. А она не жалела. Он был отличным учителем, другом, предметом ее обожания. Только вот... сам ее не любил – совершенно. Она для него была чем-то вроде домашнего питомца, и не больше. Всегда это знала, но тошно от этого стало недавно. И вспоминать не хотелось, а вспомнилось. Но плакать Агата не будет, а уж о том мужике, что не пахнет – тем более. Все закончилось. Ее поступление в Академию не было просто бегством, это была жирная точка, конец. Кстати...

– Слушай, а как я тут вообще оказалась, в избушке вот в этой? Я шла на мельницу, по этой дурацкой бабкиной карте, потом просто случайно увидела дым. И пошла. А тут ты... Как так-то?

Он усмехнулся, явно самодовольно.

– У карты этой есть свой секрет. Магия. Бабкино личное произведение. Она сама все тропинки ведет куда надо. Даже если бы захотела вернуться обратно – сюда бы пришла. На карту смотреть и не надо, все равно не заблудишься.

– погоди, она мне что-то там про мельницу наплела, и про таверну, и про весь маршрут. Куда теперь двигать-то?

Волк опасливо взглянул на нее и на всякий случай отодвинулся.

– Говори давай. Я ведь не только расколдовывать умею. Но и обратно отлично. А там... кто знает, не заржавела ли у тебя оборачивалка твоя, хочешь проверить?

– Ну... скажи-ка, она заплатила тебе?

– Да, все, как и обещала. Я работаю, знаешь ли, по предоплате.

– Покажи.

Агата ровно секунду подумала, взвесила силы: бояться ей было нечего совершенно. Достала из кармана штанов свои золотые монеты.

Волк присвистнул, прищурившись зло.

– Похоже, бабка ставила не на меня. Вот ведь...

Какое-то смачное слово, явно далекое от рамок цензурности, прорычал он сквозь зубы, совсем неразборчиво.

– Рассказывай, серый. Ты не лошадка у нас скаковая, чтобы ставки на тебя еще делать. В чем дело-то?

– У бабки был долг перед моей семьей, кровный. В чем-то проштрафилась перед отцом, а подробностей я и не знаю. Но такое нельзя не вернуть, невозможно. А возвращать ей, видимо, страсть как не хотелось, да и злопамятные они, ведьмы. Вот и надумала... Силу твою угадала, а, может, и следом шедший патруль – ее рук дело, как я не догадался-то! Нет волка – нет долга.

– Как тебя угораздило вляпаться так, а, волчонок? И это... может, представишься уже? Знаешь, после всего, что между нами было...

Он насупился.

– Ты, красна девица, сперва молодца напои-накорми, в баньке попарь, в постель уложи, а потом вопросы задавай.

– А поленом по хребту не хочешь?

– Называй меня Рудольфом, хотя... можно и “любимым”.

– И все же поленом...

– Злая ты баба, баронесса, совсем неприветливая. И нехозяйственная. Все самому придется делать.

И в самом деле: налил в чайник воды из ведра, сунул нос в мешок с травками, потом насыпал горсть в чайник и поставил его в печку. Потом сполоснул чашки и даже дверь выбитую приставил на место. Разлил чай, жадно принохиваясь к Агатиной корзинке. Пришлось доставать каравай.

Хлеб с медом, да с травяным чаем – что может быть лучше?

– Понимаешь, я ведь думал, что у нас любовь, – сумрачно вздыхал Рудольф, глядя на Агату своими невозможными серыми глазами. – Она такая была... такая!

– Любовь, ага, – хихикала Агата, которую от горячего и крепкого травяного чая развезло не хуже, чем от пары бокалов вина. – Лет тебе сколько было, Ромео?

– Шестнадцать, – парень наморщил нос чисто как волк. – И что? У нас в деревнях девки в пятнадцать вполне себе замуж выходят и детишек рожают. А тебе, поди, уж все двадцать! Ты это вон... перестарок, во!

– Кто? – поперхнулась Агата. Как точно он угадал! Двадцать один ей исполнился буквально неделю назад.

– Перестарок! Старая дева! Вековуха!

Агата кивала головой на каждое слово, радостно улыбаясь. Какой, однако, разговорчивый волк ей попался!

– Пе-ре-зрел-ка! – наконец, гордо закончил свой перечень синонимов Рудик.

Агата картинно заплодировала.

– Красавец, – одобрила она.

– Что, правда?

– Нет. Но твоему лексикону впору и позавидовать.

– А? – парень выглядел озадаченным, но на всякий случай кивнул головой.

– Раз мы закончили обсуждать мою персону, давай перейдем к допросу... в смысле, к беседе о тебе. Итак, тебе шестнадцать.

– С ума сошла? Мне девятнадцать!

– Ты что, серьезно три года волком бегал?

– Ага. И если бы ты меня не расколдовала, о великая перезрелая магичка, я бы так волком и подох. Возможно, даже сегодня. Видела, какие у ребяток из патруля топоры были? – Рудик почесал заросшую щеку и вздохнул. – Острые. Хоть брейся ими.

– Да, побриться тебе не помешает, – согласилась Агата. – Так что там с твоей невестой? Рассказывай сначала, не юли. Поди сам же и поломал все.

Волк лукаво усмехнулся, и Агата явственно поняла, что лет через пять, может, даже и раньше, из этого нескладного еще мальчишки вырастет удивительно обаятельный мужчина, гроза всех барышень округи. Обратни развиваются быстро и рано взрослеют. Если его не пристукнут раньше, конечно.

– Ну, допустим, сам, – легко согласился он. – Но если б я знал, что Алеся моя приходится родственницей бабке Васе, неужто я бы с Сонькой целоваться придумал?

– Бабке Васе? – восторгалась Агата. На память она не жаловалась. – Это не родственница ли бабки Алены?

– Ага. Родственница. Сестрица ее родная, старшенькая. Две их у нас в лесу живут: Елена да Василиса, обе...

– Прекрасные?

– Ты ж видела бабу Алену. Может, раньше и были прекрасными, а теперь – премудрые. Эх! Старые крысы.

Агата фыркнула удивленно. Премудрые, ты ж погляди! Какой интересный мир!

– А скажи мне, ребенок, ты чей будешь-то? Ищет тебя кто, наверное? Ну, кроме этих... с топорами?

– Не уверен, – вздохнул Рудольф. – Вообще, я принц, вот веришь – нет... ну что ты ржешь, как та лошадь? Принц, говорю! Ну ладно, не совсем принц. Но отпрыск рода знатного. Батяка мой – сам князь Бурый. Ее высочеству, между прочим, служил в свое время, ну как служил... охранял ее, пока она там в темнице тужила. Это когда у нас тут Черномор правил, да.

Агата закатила глаза. Черномор, Премудрые, Бурые волки. Что-то ей напоминала эта сказочка. Выходит, тут не про Красную Шапочку, а про Лукоморье?

– Дальше, наследник. Что там с невестой?

– А! Ну я не совсем наследник. Понимаешь, мать моя не княгиней была. Горничной. Но поскольку от жены у батяки одни девки были, то меня он признал и собирался в род ввести. Не успел.

– Бастард, – кивнула серьезно Агата.

– Сама такая. Зачем обзываешься? – волк насупился и заглянул в опустевшую чашку. – Можно было как-то не так грубо. Например – побочная ветвь на родовом древе.

– Бастардами королевских ублюдков кличут, серость ты хвостатая, – снисходительно пояснила Агата. – Ты продолжай, продолжай. Хотя я и так все поняла. Хотел тебя батя наследником назвать, невесту тебе нашел, а ты, гад блохастый, с другой целовался на сеновале.

– Под лестницей. И вот еще, я сам себе невесту нашел, обошелся без помощи старших.

– Не суть важно. Целовался?

– Ага, – и волк мечтательно улыбнулся.

– Тебя застукала невеста и прокляла...

– Зелья антиоборотневого налила, коза. Я обернулся, а обратно – никак.

– Ну ты ее хоть сожрал?

– Я не людоед! – возмутился Рудик. – Хотя ты права. Надо было сожрать курву. Или хоть за задницу куснуть пару раз. Было бы, хоть что вспомнить.

Агата расхохоталась. Парень был очень забавный.

– Это мне потом бабка Алена рассказала, чью внучку я в невесты себе сговорил между делом, эх... прав был отец, головой было думать мне нужно. А не... да. Но эта ведьма сказала, что средство обернуться есть.

– Да, я уже слышала. Укусить и поиметь. Или поиметь и укусить. Но я ведь прекрасно расколдовала тебя простейшим заклинанием. Что ж ты, убогенький, к магам-то не пошел? Вон этот, – Агата повертела в руках фиолетовый камушек, который так и не решилась надеть на шею. – Очень даже маг. Сильный.

– Не любят нас маги, – сумрачно вздохнул волк. – К тому же я пытался. Не к этому Луру, конечно. Этот расколдует, как же. Догонит и еще пару раз “расколдует”. Нет уж, ученый уж я. Так, к одному старичку. В общем, древний он был уже, я не виноват!

– Помер? – догадалась Агата.

– Я его не тронул даже! Просто спросил.

Агата залилась смехом, аж закашлялась. Нет, с чайком явно что-то нечисто было, ужасно интересно, что там за травки? Судя по запаху, все нормально, все знакомое. Липовый цвет, корень мать-и-мачехи, зверобой и прочие обычности. Отчего ж ее так развезло?

Голова кружилась, руки и ноги отяжелели. Глаза закрывались сами собой. Не хватало еще на столе уснуть – это в комнате-то, где есть самая настоящая кровать! Правда, в этой кровати волк валялся. Шерстяной и с грязными лапами. Подушку слюной поди закапал. Эх! Но все равно – лучше кровать, чем пол или стол. С трудом поднялась, добрела до кровати и упала на ней плашмя.

Волк озадаченно посмотрел на свою собеседницу, понюхал с опаской чай, потом прищурился весело. Уснула? На кровати? Так они вполне поместятся там вдвоем! Тем более, Агата призналась, что она вовсе не невинная девица, а он – парень хоть куда. Вряд ли она будет против. Осторожно откатил ее в середину кровати, перевернул на спину, потянул кверху полы рубахи... и отлетел в сторону от мощного удара в живот. Даже крепко спящая, Агата инстинктивно защищала свои личные границы. Тигрица.

Отдышавшись, Рудольф попытался было снова забраться к ней на постель, но был безжалостно вытолкан ногами. Черт знает что такое, что она себе позволяет, эта баронесса Гессер? И какой же у нее сильный, прицельный удар, мда.

Не женщина – тролль какой-то.

7. Оруже-уносец

Проклятый волк ее все же обокрал! Нельзя было ему доверять! Опоил, обокрал, что там еще в списке его преступлений имеется?

Одежда в полном порядке, хвала Всевышнему. Подвеска мага лежала на столе нетронутая. Корзинка, что должна была быть доставлена к престарелой Василисе Премудрой, тоже на месте. А вот топора нет, и нож исчез. Нож ладно – тупой оказался, как тот волк, годился только проходим показывать подозрительным да кору для костра отковыривать. А топор реально жалко, где ей в лесу теперь оружие раздобыть? И последний каравай хлеба, паразит, уволок, оставив девушку умирать голодной смертью. А между прочим, это для мельника! Кстати, зачем мельнику хлеб? У него же муки навалом, сам напечет, наврное.

Вот и спасай после этого всяких проходимцев!

Умывшись водой из деревянного ведра, Агата наскоро собралась в путь. Теперь ей стоило двигаться быстрее – ага, голодной и безоружной. Ну попадись ей только этот... оружейный вор! Больше не пощадит. Голову оторвет и выбросит. Настроение было отвратительное, хотя солнце светило ярко и весело, лес приветливо шелестел зелеными листочками, цокали и кидались шишками белки. Пару раз на тропинку перед ней выскочил жирный заяц, поглядел на нее презрительно и высокомерно, пошевелил нагло ушами и упрыгал в кусты. Подобную дерзость Агата стерпеть не смогла, звереныш явно имел склонность к суициду. А это, между прочим, болезнь, которая никак не должна передаваться потомкам. Словом, третий раз стал для зайца фатальным. Пищевая цепочка оказалась короткой: травка – зайчик – тигриные когти.

Полегчало. Теперь уже Агата радостно насвистывала, а будущий ужин смирно лежал в потяжелевшем лукошке рядом с несколькими боровиками.

К искомой речке Агата вышла к вечеру, усталая, потная и донельзя довольная собой. До мельницы было еще шагать и шагать – все же график передвижения здорово сбился (спасибо Рудику и бабке Премудрой), поэтому девушка решила сделать небольшой привал. Перекусить, искупаться, а затем – очередной марш-бросок к месту ночевки.

Легко и быстро развела костер, недовольно оглядела зайца и поморщилась. Ножик бы... Но за неимением оного пришлось действовать когтями. Чтобы не перемазаться в крови, разделась до белья. Вынула шнурок из ботинка, сняла шкуру чулком, выпотрошила, одним взмахом когтя разрубила увесистую тушку поперек. Голова улетела в кусты. Два крупных куска мяса на заточенной кое-как когтем палке повисли над ровным огнем. Красота! Молодец, полосатая.

Ощущение чужого пристального взгляда не покидало Агату на протяжении всего процесса, а знакомый уже запах не оставлял ни малейшего сомнения, относительно личности любопытного, пялившегося так нагло на нее из кустов. Вот даже интересно, насколько этого несчастного хватит? Выйдет или не выйдет? Подумала немного, хитро прищурилась – и разделась догола. Не купаться же ей в белье? Запасного у неё нет. Повесила трусы и спортивный топ на ближайший куст, тронула пальцами ноги воду: довольно тёплая. Повезло ей, что сейчас лето. Зимой было бы купаться куда менее приятно. Закрутила тяжелые светлые волосы в пучок на затылке и медленно пошла на глубину, ежась и вздрагивая. Воды тигрица, разумеется, не боялась, впрочем, обычно предпочитала солнечные ванны. Но в солнечных лучах пот и кровь не отмоешь. Некоторых ее друзей из воды было невозможно вытащить, вон, Гвидонис и Элька Лефлог имели в активе даже сущность косатки, а Агата особого удовольствия от купания никогда не испытывала, быстро смыла с себя пот и выскочила на берег, стуча зубами. Пожалуй, температуру воды в реке она переоценила. Одежда ее была нетронута, и это радовало.

Рядом с костром лежало несколько небольших поленьев, ее топор и нож – остро наточенные. Ух ты, какой вежливый морф ей попался: не только оружие вернул, но ещё и в порядок привел. Пожалуй, она не будет откусывать ему голову. Не сегодня.

Выйдет, или так и будет в кустах сидеть? Ну и пусть сидит, заяц маленький, на двоих не хватит.

Уже темнело. Мельницу она видела, та была уже недалеко. Что там бабка говорила? Мельнику дать каравай (которого больше нет), переночевать, потом брод искать? Ну-ну. Переночевать уже страсть как хотелось, особенно после сытного обед-ужина. На мельнице хоть крыша над головой будет, да от комарья местного, будто взбесившегося к ночи, спасение. Так что, делать нечего: ноги в берцы и в путь-дорогу. На ходу обгладывая жесткую ножку зайца, Агата снова пустилась в путь. А волк так и не выполз, видимо, стыдно ему. Хотя взгляд невольного спутника она ощущала остро и постоянно.

Мельница Агате отчего-то не понравилась категорически.

Во-первых, никаким мельником тут и не пахло. Возможно, он тут жил – очень давно, в далекой бабкиной молодости. Но сейчас строение было явно необитаемым.

А во-вторых... Есть в заброшенных зданиях какая-то потусторонность, холодность, запах тлена и неуютности. Она обследовала каждый уголок мельницы, убеждаясь в полной безопасности в целом крепкой еще постройки. Крыша тут была почти целая, если дождь не пойдет (а им и не пахло) – то вполне можно ночевать. Верхний этаж и чердак выглядели совершенно запущенными. Лестница туда грозила провалиться под ногами. Жерновов, понятно, не было: ушлый народец даже каменные утащил. Агата их понимала – в хозяйстве все сгодится. Но как, помилуйте? Ка-а-ак снять и упереть, мельницу не разрушив? Хотела бы она это чудо своими глазами увидеть. В зубах волокли, не иначе.

Не было вроде и крыс, во всяком случае – ими не пахло, да и откуда взяться тут живности, если из еды только залетные путники и появлялись? Зато посередине первого этажа навалены старые мешки из рогожки, а поверх них – несколько истертых овечьих шкур. Видимо, ночевали тут нередко.

Странно только – почему в середине? У стенки вроде бы удобнее. Оттащила импровизированное ложе к стене и обнаружила увесистый мешочек. Неужто клад? Заглянула, покачала головой. Соль. Вещь, безусловно, ценная, нужная, но зачем тут целый мешок? На вскидку – килограммов пять. Наверное, дорогая находка. Мысленно поблагодарила позаботившихся о “ближнем” неведомых добряках – жареный заяц был неплох, но с солью все однозначно вкуснее. Немного отсыпала себе в корзинку, пожертвовав найденным в кармане пакетиком с бумажными носовыми платочками.

Еды у нее больше не было, и Агата с глубоким сожалением растянулась на шкурах, глядя в темный потолок. Несмотря на усталость, сон не шел. Невольно прислушивалась: всю дорогу оружие-уносец шел за ней, она чувствовала его и отчетливо слышала. По кустам, прячась в траве, где-то позади, на глаза ей не показываясь. Не то охранял, не то просто следил. Но уже сам факт, что топор и нож были в руках у нее, тигрицу весьма успокаивал.

А теперь он где? Караулит у входа? Так холодно там и, наверное, опасно. А здесь, внутри – тихо и ни одна пакость над ухом не жужжит, скорее всего, потому что тут сухо и безлюдно. Но вообще – Агату вдруг начало смущать отсутствие внутри мельницы живности. Ни ласточек, которые любят селиться под крышами, ни муравьев, ни мышей. Даже комаров – и тех не было. Только она, Агата, и звук ее дыхания в темноте, что вдруг начал пугать даже ее саму.

А потом со стороны реки послышались странные звуки. Пение? Так себе мотивчик, уныленький, и голоса вот совсем не оперные. Деревенская самодеятельность. Успев это подумать, тигрица аж подскочила от неожиданности, топор схватила и вылетела наружу.

А вот и приятель ее хвостатый нашелся. С шальной улыбкой и совершенно пьяными глазами он стоял по колено в воде (к счастью, уже одетый, не в простыне, как она опасалась), а вокруг него кружились абсолютно обнаженные и весьма приятной наружности юные дамы.

– Ишь, проститутки, – пробормотала Агата, поудобнее перехватывая топор. – Я не для того мальчишку спасала от патруля, чтобы вы его тут утопили.

Прислушалась: какая “чудесная” песенка!

– Ты прекрасней всех на свете,

Будь же нашим в эту ночь,

Приласкаться, обогреться

Мы с тобой совсем не прочь.

Подходи скорей поближе,

Вместе песню допоем...

– Оставайся мальчик с нами, будешь нашим королем, – радостно закончила Агата и взмахнула топором. – А ну разошлись, кур-р-рвы, это мой мальчик, я его первая нашла!

Русалки (а кто ж еще это мог быть?) изумленно уставились на соперницу, переглянулись и улыбнулись как-то даже похабно.

– Ах, красивая девица,

Нам в глаза ты погляди,

Что ж не хочешь ты делиться?

В хоровод же к нам иди.

Жадничать, сестрица, стыдно,

Хватит мальчика на всех...

Агата наморщила лоб, пытаясь вспомнить какую-нибудь подходящую моменту песню, но в голове вертелось что-то совершенно глупое, вроде “Арлекино, Арлекино, есть одна награда – смех”

Расстроилась, снова взмахнула топором от обиды. Нет, не бывать ей певицей, придется брать чистой харизмой!

Красивые голые девушки (нет, реально красивые, Агата таких встречала только среди бессмертных иных) в количестве четырех штук в ответ клацнули внезапно заострившимися зубами, прекратив свой концерт, а тупоголовый Рудольф распахнул руки и совершенно по-бараньи проблеял:

– Красавицы, куда же вы? Не слушайте эту ревнивую вековуху, она вам просто завидует! Я весь ваш, девоньки, предадимся же греху и разврату уже наконец-то!

Агата хмыкнула и шагнула вперед с угрожающим видом. А девки, вдруг сообразив, что на их добычу незнакомая им баба претендует всерьез, заверещали и бросились на парня, хватая его за руки да за рубашку и роняя прямо в воду. Лицом вниз. Никак все же решили утопить. Две русалки всеми своими прекрасными телесами навалились на несчастного Рудика, утягивая его в омут, а две, злобно зашипев и съежившись, поползли на Агату, выставив колючие длинные пальцы. На глазах преображались. Длинные густые волосы поредели и поседели, кожа стала тошнотворного бледно-зеленого цвета, огромные глаза, опущенные ресницами, превратились в щелки. Но самое главное – на месте рта у них появились жадные пасти с острыми и тонкими, как иголки, зубами. Вот как, оказалось и у этих хвостатых есть “боевая” ипостась! Век живи – век учись, как говаривал ей мудрый папа.

– Фу, некрасивые, – сказала Агата. – И вообще я тоже умею когти отращивать. Так не отдадите мне мальчика? Ну, сами виноваты. Рудик, фас! В смысле – МУТАБОР!

О, какое чудесное она знает заклинание, вы только поглядите! Там, где за миг до этого булькал парень, вдруг вода забурлила, зашумела – и выскочил на поверхность совершенно замечательный волк: огромный, красивый, сильный и очень-очень сердитый.

Насчет красивого она, впрочем, погорячилась. Быстро намокшая шерсть облепила худое длиннопалое тело, делая волка похожим на гиену-переростка. И сердился он, кажется, отнюдь не на русалок.

– Мама, – ойкнула Агата, бодро разворачиваясь и устремляясь к берегу.

– Леший его задери, – сказали русалки, ловко прыгая в разные стороны, как те лягушки.

– Р-р-р, – выразительно прорычал волк, клаца белоснежными зубами и кидаясь прямо на Агату.

– Вот дурак, – взвыла девушка, с трудом уворачиваясь от клацающей в районе ее пятой точки пасти. Нет, эта тварь была явно к ней равнодушна! – Сидеть! Лежать!

К ее огромному удивлению волк, выскочивший следом за ней на берег, послушно плюхнулся на тощий мокрый зад и попытался даже вильнуть хвостом. Смотрел ей в глаза преданно и грустно.

– Мутабор, – вздохнула Агата.

– Твою ж за ногу об забор и три раза нещадно! Я одежду с таким трудом укра... добыл! А теперь что? Уплыла одежонка-то, вместе с русалками!

А теперь перед ней вновь сидел совершенно голый, мокрый и очень несчастный Рудольф.

8. Самое желанное

Что ж, теперь-то она его не отпустит. Вдвоем ночевать на мельнице не страшно вовсе, так Агата своему новому приятелю и заявила. Предупредила только:

– Будешь приставать – руки вырву и обратно воткну. Как придется и куда ни попадя.

– Я с незнакомыми баба... в смысле, прекрасными девами не сплю, – заявил морф. – Между прочим, ты так и не представилась. Или мне тебя, любезнейшая, звать баронессой Гессер? А может и вовсе – хозяйкой? Раз уж ты нарекла меня оруженосцем.

– Госпожой зови, – хмыкнула девушка. – Можно – госпожой Агатой. Кстати, а давай ты в зверином обличье спать будешь, а? Там ты хотя бы не совсем голый.

– И упустить возможность ночью прижиматься к тебе всем своим прекрасным юным телом? – картинно возмущился Рудольф. – Ну уж нет! И вообще... знаешь, я столько лет был зверем, что не совсем еще управляю своими инстинктами. Мало ли, покусая с голодухи.

Тут он, конечно, лукавил. В волчьем обличье, как и любой морф, он соображал совершенно так же, как и в человеческом. А вот в том, что покусает – не врал нисколько. У Агаты была отменная задница. И вообще все, что надо для разгула фантазии юноши, было на месте. А потому его молодой и вполне здоровый организм реагировал на девушку очень бурно и совершенно однозначно. Пришлось выпросить у нее штаны, клятвенно пообещав вернуть утром. Вот выспится и непременно раздобудет себе одежду. А пока – нет, он, конечно, может и так. Сверкая, как говорится, красотой своей несказанной.

– Ой, заткнись и прикрой свою красоту сверкающую, – покраснела наконец Агата (о, а он думал, что такая дева, как она, и вовсе краснеть не умеет) и стащила с себя страшные башмаки и богомерзкие штаны, швыряя прямо ему в лицо.

Надевал он их все же отвернувшись, радуясь, что задница у него тоже ничего такая, даром что волосатая, как у всех оборотней. Так и улеглись на шкуры – она в одной рубашке да с голыми ногами, а он – в одних лишь ее штанах.

– Слушай, а тебе не страшно на мельнице ночевать? – гулким шепотом спросил Рудольф.

– Ты снова решил ко мне приставать? – удивленно зевнула Агата. – Руки вырву. И это... яйцен клац-клац.

– Какая ты неромантичная. Мне, конечно, лестно, что ты обо мне думаешь в таком вот свете, но я, вообще, не это имел в виду. Мельница ж, да еще и заброшенная – самое место для нечисти. Я бы вот нисколько не отказался сейчас от мела или хотя бы от соли.

– Соли? – насторожилась тигрица. – А зачем соль?

– Круг сделать. Постель на середину вытащить и солью круг нарисовать. Самое оно.

Агата вздрогнула невольно. Соль, постель посередине... Может быть, местному жителю виднее?

– Тут есть целый мешок этой соли, – нехотя призналась она.

– Где? Дай сюда! Ну и что ты валяешься? Давай постель перенесем!

Ворча и злясь, Агата тем не менее Рудольфа послушалась. Шкуры были перенесены обратно, а потом парень, то и дело подтягивая сползающие с узких бедер штаны, принялся рассыпать драгоценный продукт почти даже ровным кругом. Агата только головой качала: выдумщик какой! Все это – сказки для простачков. Она бы прекрасно справилась со всеми чертями и русалками с помощью магии, топора и такой-то матери. Вытянулась на мягких шкурах, закрыла глаза... Через пару минут рядом с ней опустился и Рудольф. Заглянул крепко спящей девушке в лицо, протянул было руку к ее груди, но быстро передумал, вспомнив, как Агата его с кровати, даже не просыпаясь, выкидывала. Нет уж, он предпочитает находиться внутри круга. Достаточно с него сегодня приключений. Хотя русалки были красивые. Если бы Агата не помешала, он бы прекрасно с ними развлекался.

Она спала или дремала? Трудно было ответить себе на вопрос. Сознание вязло в этом душном сне, как в патоке летняя муха.

Где она? Почему так темно? Открыла глаза, в щели крыши падал лунный свет, прокладывая дорожки на полу, странно отражаясь на стенах. Стало вдруг холодно – очень, до зубового скрежета. Рядом сопел носом волк.

Она вдруг ощутила чье-то присутствие всей кожей.

Оглянувшись, рывком села, рефлекторно оборачиваясь. Когтистая лапа сомкнулась на шкурах.

Чуть позади виднелась рослая мужская фигура. Очень тихо она стояла, будто бы затаившись. Агата бы даже во сне узнала этот разворот плеч, чуть сутулый, и позу его характерную, насмешливую, даже подчеркнута: руки в карманы, плечи сторблены. Почему? Зачем и откуда?

Он пришел за ней, нашел, прорвался через все межмировые пространства! Значит... искал? Значит, нужна ему? Не оставил, не бросил, пришел! Эти мысли обрушились прямо на голову, словно увесистые камни на горную дорогу с крутого склона. Тяжело и громко. Отчего же нет радости? Почему она не визжит от восторга, не прыгает прямо на шею любимому?

– Паша? Ты пришел за мной, ты нашел?

Он молчал, минуту помедлив, сделал шаг к ней, все так же молча распахнул руки, словно говоря: “Иди ко мне!”

Агата рванулась и... была поймана мертвой хваткой удивительно крепких рук.

– Ты рехнулась? Это же морок. Сама посмотри, он боится света луны.

Волк держал ее, будто капканом, взъерошенный, заспанный, но невероятно решительный.

– Пусти, придурок хвостатый! Паша, забери меня, помоги мне, ты слышишь?

Стоявший рядом не шевелился. Так и остался стоять, призывая в объятия. Как и всегда, даже не думая помогать – она сама должна была сделать к нему шаг.

Агата кричала, шипела, извивалась, била когтями несносного этого парня, готова была просто убить, порвать на лоскутки. Но отчего-то теперь он был намного сильнее. Или она так ослабла? Прижимал к своему голому волосатому телу каменной хваткой, крепко обвивал руками плечи и только в ухо шептал:

– Не пущу, и не думай. Все, все, девочка, уймись.

Она – девочка? Только Канину разрешалось подобное! А он – вот он стоит опять, такой же равнодушный, как всегда, ему просто нет дела до ее отчаяния, до ее практически воя.

Вдруг ветер подул, налетев с туманной реки, мельница покачнулась, будто отряхиваясь. Что-то громко скрипнуло на крыше, вниз упала гнилая доска, аккуратно рядом с кругом из соли. Новый пучок лунного света упал прямо на гостя и... тот преобразился. Рядом с Агатой и волком стоял вовсе не Паша, а омерзительный старик в грязном рубище и с клюкой. Длинные жидкие седые волосы, паклей свисавшие с головы и лица, делали его похожим на поросший лишайниками старый пенек.

Они замерли. Волк так и не отпустил ее. Словно боялся – сорвется опять, дел натворит. Сидел и прижимал к себе – весь изодранный, окровавленный даже (поди поддержи злую тигрицу), сопел прямо в ухо и только зубами скрипел.

– Ты кто? – рыкнула она.

Больше ей в голову ничего не пришло. Выйти за круг захотелось еще сильнее – но теперь уже для того, чтобы прибить эту сволочь лесную. Или речную – без разницы. Влез ей в самую душу, достал все самое больное и тягостное. Это вам не русалки голозады, это – любовь ее неразделенная. Вот убила бы!

– Черный мельник, – просветил ее волк, поскольку существо беседовать с ней явно не желало.

– Это душонка у него цвета такого или не мылся давно? Пусти, Руд, я ему сейчас наваляю. Станет в клеточку или полосочку даже, как зебра.

– Не пущу. Тут его место, он очень силен. Не хорохорься. Даже если бы ты была альфой... – но хватку ослабил. А может – устал.

Этого было достаточно. Ну уж нет, черти вы ли лесные, черные, красные, желтые или даже коричневые, но подобного унижения Агата Гессер не простит никому и никогда. Секунду сосредотачивалась, вспоминая простейшие боевые заклинания. Силен, значит. Мельник. Ну-ну.

Грянул гром, в руках у Агаты зажегся огненный шар размером с крупное яблоко.

Мельник все еще молча пялился на Агату. Вот и славненько.

Меткий бросок, вспышка – и мельник из черного стал совершенно невидимым. Испарился, наверное. Хотя что ему, призраку, делается, просто изгнала на долгое время.

– Что ты наделала? – вопль Рудика вывел ее из сладостного и умиротворенного размышления. – Мы же горим!

Упс. Это она не подумала. Огненный шар был боевым заклинанием – пожароопасным, конечно. Хоть и очень эффектным. Папа бы был недоволен.

Волк подхватил девушку на руки, теряя штаны на ходу (та в последний момент цапнула кузовок и ботинки) и, отчаянно чертыхаясь, сиганул с мельницы прямо в воду, надеясь на то, что русалки больше не рискнут с ними связываться.

Мельница горела, как стог сена. Полыхала фейверками и сияла пожаром на весь темный лес.

– Ну ты, дева, даешь!

Рудик невозмутимо полоскал штаны в реке, рассматривая их в отсветах горящей мельницы.

– А сам-то? Чего ты вцепился? А вдруг я тебя бы убила? Видал, как я его?

– Мельника? Да, приложила отменно. Я все никак не пойму, ты морф или магичка? Что-то не клеится.

– Я... – Агата замялась. Не хотелось до времени парню рассказывать всю свою запутанную историю. – Мать – ведьма-магичка, отец – оборотень. Вот я и вышла такая. И кстати – я альфа.

Глаза у парня стали огромными, брови стремительно поползли вверх.

– Да ладно?! погоди, а ведь я удержал тебя. Выходит...

– И входит, и выходит, и замечательно входит. Как я уши тебе надрала поначалу, забыл? Он насутился очень обиженно.

– Я, кстати, выловил из реки свою одежду, что русалки уволокли. Забирай штаны, только все очень мокрое.

И штаны, и вообще все – было, как... из реки.

Агата молча и решительно разделась. Морфы вообще очень спокойно относятся к обнаженке. Пашу, помнится, это всегда напрягало.

– Не пялься так на меня. И не тыкай в меня своим волчьим достоинством. Не впечатляет. Лучше вообще обернись, а то так и будешь ходить драным моими когтями.

Молча послушался. Рядом с Агатой сел волк. Собрала вещи, свои и его, развесила на ветках кустов у реки. Вытряхнула кузовок. Тяжко вздохнула.

Придется опять колдовать, что поделать. Очень ей не хотелось показывать все свои способности и умения постороннему. Но говоря откровенно, парень ее почти спас. Его ругать она могла сколько угодно, но знала сама: переступи она через круг Павлу навстречу – пропала бы. Когда колдуны держат в руках твою слабость – нет против той силы щитов и оружия. Как Мельник нашел в ее сердце то самое, что ее мучило? Поделом ему! И ей тоже, дурехе.

Ладно, делать нечего, не ходить же им мокрыми и холодными? Придется опять удивлять серого и хвостатого.

– *Калорем*¹!

Быстрый взмах рук, и вещи высушены. Пальцем коснулась мокрой шерсти соседа – и он стал вдруг пушист и прекрасен. Так-то, серый. Смотри и учись.

Встала и пошла легкой походкой к реке – одеваться. Зачем-то от бедра. И отчего-то искренне торжествовала, услышав громкий восторженный присвист за спиной. Мальчишка!

– *Инис*²!

И на камне у реки зажглось небольшое пламя размером с газовую горелку: тепло, безопасно, удобно. Надолго ее сил сегодня не хватит, но воду на чай вскипятить она может. Из кузовка достала свой маленький чайничек, нагло украденный из избушки “для встреч”, поставила на огонек. Горделиво так и подчеркнуто-медленно оглянулась, натягивая трусы.

Волк стоял... во всех местах волк стоял, мучительно одеваясь, что было непросто. Белья он не носил, как практически все морфы, это ведь было совсем неудобно – натягивать трусы каждый раз в обороте. Агата ему позавидовала.

¹ Калорем (от лат. *calorem* – жарко) – эффективное, простое бытовое заклинание позволяющее быстро сушить и согревать (предметы и окружающих)

² Инис (от лат. *Ignis* – огонь) бытовое заклинание, позволяющее создать небольшое, размером с газовую горелку, абсолютно безопасное пламя для бытовых нужд (приготовление еды, обогрев)

9. Слезы великой Агаты

– Елки, да выплюсь ли я в этом мире когда-нибудь? – ворчала Агата, устало бредя по речному берегу. Спотыкалась, тоскливо оглядывалась на почти прогоревшую мельницу, то и дело опираясь ладонью на холку спокойно шествующего рядом зверя.

– Выспишься, – пообещал, порывая, Рудик и словно случайно задевая ее ногу хвостом. – Прямо сейчас и выпспишься. Обещаю, уложу и буду охранять твой сон. Вот только кустики найдём подходящие.

– Кустики-то нам зачем? Я что-то не заметила в тебе особой стеснительности.

– Ну а ты хотела прямо на берегу ночевать, о великая и ужасная? Чтобы к нам всю ночь ходили эти красивые голые женщины?

– Руд, а ты вообще о чем-то, кроме баб, можешь думать?

– Конечно. О еде.

Агата фыркнула. Ох, как она устала! Все время куда-то бежит, от кого-то спасается. Чужой мир надоел ей почти что до слез. Да ещё Мельник этот, будь он неладен, вытащил со дна души так тщательно там похороненные ею чувства, давно уже ставшие страхами.

– Вот тут хорошо, – заявил Рудольф, окидывая волчьим взглядом небольшой пятачок мягкой травки. – Давай так. Я на голой земле тебе спать не позволю, положим мою одежду, ты ляжешь. Волком тебя греть буду. А может, ты и вовсе обернёшься? Ты ведь морф, я видел. Кто: рысь, барс? Кошкой какой-то несёт от тебя. В шерсти всяко теплее спать.

– Зайчик мой, видишь ли в чем проблема... – Агата совершенно без сил опустилась на скатанные в узел вещи Рудольфа. – Я хреновый морф. Неполноценный. Да и что ты там видел-то? Когти? Судя по осведомленности относительно вида хвоста – ничего и не видел.

– Разглядел все, что надо. Дралась ты как лев. А ноешь сейчас, как будто корова. Так в чем там хреновость твоя?

Сил не было пикироваться совсем. Хотелось на ручки и плакать.

– Я ведь морф только на четверть. Хотя... отец говорит, что все это предрассудки. Оборотничество – это не столько генетика, сколько талант.

Она потянулась, ловя с удовольствием на себе восхищенный взгляд волка.

– В тебе... эээ.. у тебя много всяких талантов, я вообще и не знал, что бывают кошки-магички. Я вот колдовать не умею совсем.

Агата фыркнула устало.

– Дурень. Ты просто не учился ничему, кроме формизма. Это ведь тоже – магия. Отец говорит...

– Ты часто его вспоминаешь.

Ее спутник тихо сел рядом, внимательно слушая и продолжая разглядывать.

– Он самый лучший мужчина вселенной. Тигр-альфа, гигант настоящий. Удивительный, всегда меня поддерживал во всем. Но мы давно не общаемся.

Говорить об этом было горько. Вспоминать – еще горше.

– Расскажешь?

– Нет. Ты хотел услышать про моего зверя? Ну так вот – я полная бездарь. Бились учителя, тренировали, даже под гипнозом пытались. Видишь ли, у меня тоже семейство совсем непростое. А я – старшая дочь, первая внучка и все такое. Возлагали надежды, а выросла – полный пшик. Тигрицы из девочки не вышло.

– Ну... – раздевающий взгляд волка снова порадовал, – пшиком назвать тебя сложно. Ты сильная, смелая, очень красивая. И потом... знаешь, я слышал, что такие проблемы бывают часто и у оборотней. У самых что ни на есть чистокровных. Ты же частично морфируешь? Далеко? Покажи.

Агата вздохнула. Усталость раскатывала, как каток по асфальту. Но у волка горели глаза, не хотелось его разочаровывать. Сосредоточилась, напряглась, тонкие девичьи руки покрылись густой серебристой шерстью. Показались огромные когти, пальцы укоротились, в штанах стало тесно – это полез предательски хвост. Потянулась, достала его из штанов, (сопровождаемая резким вздохом возбужденного донельзя волка). Звуки все стали громче, запахи – много острее.

– Собственно, все.

– Симпатично. Мне нравится. Женщина-кошка. И за хвост можно поймать, и... Ай! Только когти обрезать. Слушай, а ты, ну... во время... Никогда, что ли, не обращалась? Все же знают: морфы в приливе чувственной страсти очень часто обращаются просто спонтанно. Поначалу так все поголовно: гормоны, молодость, чувства, то есть течка. Да не дерись ты, я правду тебе говорю.

– Болтун.

Агата обиженно засопела, возвращая себе человеческий облик обратно.

– Теоретик, скорее. Что поделать, еще не успел. У нас в клане девушки в эти самые дни, раз в год, охраняются старыми, как те сокровища. Пока замуж не выдадут – ни-ни. Ну а ты-то у нас старая уже. Хоть и драчливая. Кошечка, не обломай пальчики о мои косточки, я очень твердый. Везде, между прочим.

Агата тяжело вздохнула, закрывая глаза. Хотелось заплакать. Зачем вот она рассказала ему это все?

– Эй, тигра, ты правда не знала?

– Отстать от меня, блохоносец.

Повернулась спиной к нему. Нечего видеть хвостатому слезы Агаты.

– погоди, а этот, мужик твой – тот, на мельнице... Неужто ни разу тебя с ним не тянуло – кусаться, когти там выпускать? Мне сестры рассказывали – крышу сносит, ежели любовь. И не остановить того зверя, не удержать.

Не удержать? Ей вспомнилось все вдруг. С самого первого раза и после, всегда. Какое “не удержать?” – раскачать бы!

Агата села порывисто, зарычала и всхлипнула вдруг. Так себя стало жалко...

– Ты слышал, что я сказала тебе? Я ущербная, я! Не он. Он... добрый, щедрый, спокойный, умный. А я...

Откуда вдруг слезы взялись? Кто их просил?

Волк вдруг быстро обернулся человеком, порывисто обнял ее, привлекая крепкой рукой к очень широкой (внезапно) своей груди. А она отчего-то не отстранилась. И что, что он опять голый? Не было в этом жесте ничего романтического. И не жалость. Поддержка, мужская, твердая, очень надежная. Просто мальчишка, юнец, девственник, а сумел быть мужчиной.

– Ну, котенок. Он, наверное, просто не твой? Так бывает, я слышал. От тебя им не пахнет совсем.

– Мы расстались. Давно уже, с этой весны. Я сбежала от него в Академию.

Жесткие сильные пальцы успокаивающе пробежались по волосам.

– Ты не поняла. Эх, кошки. Слабоваты вы на... чутье. От женщины пахнет не потом мужским и не... ну ты поняла. Остро пахнет любовью. Просто несет. И влюбленная оборотница неприкосновенна для других. А ты пахнешь грустью.

Все вдруг оказалось так просто. Мальчишка хвостатый сказал – и будто морок спал с глаз и души. Была ли любовь у Агаты? Канин – завидная партия, хорош собой, умен, очень талантлив. И все. Ей его захотелось. А он – так и не дался. Тигрица просто охотилась, самозабвенно и долго. Вот и вся вам любовь.

От этого впору взвыть. Она и рыдала, вдруг обнаружив, что держится пальцами уже вновь за волка – пушистого, положившего голову ей на колени, обернувшегося вокруг ее горя мускулистым кольцом.

Так и уснула, в соплях и слезах. И снилось ей невозможное: как бежит по лесу на четырех сильных лапах, размахивая длинным хвостом. Как мощное, сильное тело поет каждой мышцей, роскошная серебристая шуба блестит в лучах полной луны. И огромный волк летит следом, беззвучно ее сопровождая – серый, могучий, стремительный. От этой безудержной скачки в кошачьих ушах воздух свистит, сердце бьется упоенно, дыхание хищницы не сбивается. Впереди только радость и полный восторг.

С первыми лучами летнего солнца Агата проснулась. Было тепло, пахло вкусно. Открыла глаза, все еще чутко приносясь.

Волка рядом не было, зато на полянке горел костерок, настоящий, потрескивали дрова. На небольшой сковородке шипели крупные куски... чего-то. Вероятно, съедобного. Две глиняные чашки стояли чуть дальше, ее маленький чайник закипал. Все было аккуратно и чинно, даже сухая одежда лежала в сторонке сложенной стопкой.

– Доброе утро, котенок!

– Сдурел?! Не называй меня так! А то станешь щенком!

– Хоть горшком, только в печку не ставь. Как хочешь, так меня и зови. Зайца не было, птицу я не поймал, уж прости.

Девушка еще раз повела носом в сторону стремительно подрумянивавшегося нечта.

– А это что? Кстати, сковородка откуда?

– Русалки кусок. Очень они тут аппетитные, знаешь ли. Не пропадать же добру? Пришиб сковородкой, разделал, порезал кусочками и...

Агата сделала такое страшное лицо, что волк не выдержал.

Ржал, словно конь. После небольшой экзекуции и обещания отправить Рудольфа домой, он таки сдался и, все еще гогоча, рассказал:

– Это такие речные улитки. У нас их “трунги” зовут. Вкусно, попробуй. Я сгонял на пепелище мельницы с утра, сковородку нашел и...

Вообще все, что водилось в воде, Агата обожала, как и все кошки, у нее просто слюнки закапали от одуряющего запаха.

– Какие “трунги”, псина недобитая? Я рыбу, по-твоему, не отличу от речных слизняков?

Волк вдруг стал серьезен.

– Слизняки, значит. А скажи-ка мне, кошечка... откуда ты вдруг взялась в этом лесу?

Агата совсем растерялась. Вот это крутой поворот.

– Я.. а, ты о чем? Сказано же – заблудилась. С чего ты, вообще, это взял?

– С того, милый котенок, что “трунги” – это наша главная монета. Самая мелкая, последний ребенок в глухой деревне знает, что это такое. Огниво стоит два трунги. А вот эта сковородка – все десять. Так кто ты такая, баронесса Гессер? Волшебница-морф, патруля не боящаяся, магам королевским не поклонившаяся?

– Тебе зачем знать?

– Я твой оруженосец. Должен же я знать, с кем делю стол и постель? Ай! Ну хорошо, только стол.

Агата минуту раздумывала. Парень был совершенно серьезен. Кто знает, сколько ей еще придется болтаться по этому миру? Нужен был абсолютный союзник и друг. Хоть на время. А дружба, как известно, предполагала если не полную, то хоть частичную откровенность. После ночных излияний о ее неразделенной любви к Канину терять уже было особо как бы и нечего.

– Ну... я очень издалека.

Начала осторожно. Взгляд в ответ получила скептический.

– Агата. Я же не спрашиваю про эту твою странную одежду и обувь. А могу.

– Хорошо, ты мне можешь не верить, но я вообще не из вашего мира.

– Преступница?

Она даже подпрыгнула. Что, так похожа? Хотя...

– Нет. Слишком любопытная. Больше ничего сказать не могу, я умру скоро от голода, и смерть моя будет на совести сам знаешь кого.

Волк внимательно посмотрел на нее, что-то явно для себя решив. Улыбнулся внезапно. Ей очень нравилась эта его улыбка – невероятно искренняя и заразительная.

– Я угрей наловил – жирных, настоящих. Тут их много. Сейчас я тебя покормлю.

10. Служба

Рудольф брился. Зрелище было завораживающим. Агата ещё ни разу не видела, как мужчины бреются просто ножом. Какое-то это было первобытное действие, немного смешное (морф корчил примерно такие же рожи, как Элис Лефлог, красившая ресницы), чуть-чуть даже красивое, в чем-то – вполне возбуждающее. Возбуждающее неумное чувство юмора тигрицы.

Морф отмерил расстояние от подбородка по шее вниз на два пальца – это была его зона чистоты. Ниже, видимо, предполагалось пространство свободы и шерстяной независимости.

– А грудь брить будешь? – спрашивала она с любопытством. – А пах? А задницу?

– Ну, если ты поможешь, то могу, – фыркнул Рудик, косясь на неё лукавыми глазами.

Был он весь в хлопьях пены, мочил зачем-то нож в горячей воде, а потом безжалостно скрёб щеки и подбородок.

– Чем тебе помочь, малыш? Хвост поддержать?

– Поддержаться и поддержать. Хвост, ага, его вырост спереди.

– Пф-ф-ф, размечтался. Я предпочитаю постарше. Мужчин.

– Да, я помню. Видел я те твои предпочтения. Ну так, ничего особенного.

– Ха, если бы он тебе понравился, я была бы разочарована.

– А так, я понимаю, ты очарована?

Ух! Кажется, они флиртуют? Агате ужасно нравились такие вот беседы, похожие на фехтование словами. Отличный ей попался спутник, повезло так повезло. Кстати... а спутник ли он ей?

– Эй, хвостатый, а какие у тебя планы на будущее?

– Разбогатеть, купить большой дом, жениться на лучшей на свете красавице и наплодить кучу волчат. Пойдёшь за меня замуж, тигрица?

– Ну уж нет, меня девственники не интересуют. Я имела в виду – на ближайшие дни.

– Значит, дело в отсутствии опыта? Понял, исправлюсь. А насчёт планов... Я же – твой оруженосец. Буду таскаться за тобой хвостом, носить твой топор, точить ножик и вытаскивать тебя из всяких неприятностей. Ты ведь, кажется, говорила, что ведешь путь свой к бабке Василисе? Что за дело пытаешь?

– Да, у меня для неё посылка.

– Ну вот туда и пойдём, дорогу я знаю. Я вообще тут все знаю. За три года каждое дерево успел изучить, каждый куст и всех белок в лицо.

Агата кивнула: с ним и в самом деле было веселее. И, наверное, безопаснее даже, особенно, если за нравственностью этого хвостатого Казановы успеть уследить. А не то упустишь момент – и потом убегай от разъяренного папаши с ружьем или даже – с рогаткой. Принцы – штука опасная.

А кстати!

– Слушай, Руд, а у вас огнестрельное оружие есть?

– Это когда маги сгустками огня швыряются? Ну, такими, как ты мельницу сожгла? Сама же знаешь, что есть. Но не каждый маг такой силой обладает.

Агата невольно притронулась к подвеске на своей груди. Какими силами обладал королевский маг с сиреневыми глазами? Смогла бы она выстоять, если бы он вдруг им не поверил?

– Нет, мой наивный друг, я имею в виду такие палки, из которых вылетает огонь, дым и свинцовый шарик под действием энергии газов, образующихся при сгорании порохового заряда.

– Шарик? – наморщил лоб морф. – Нет. У нас только болты имеются. Арбалетные. Для которых используется энергия... эээ... рук. Иногда ног.

– Ясно. Это хорошо. Арбалетные болты из твоей задницы мне выковырять будет куда проще, чем пулю.

– А почему из моей, а, котенок? – с подозрением спросил Рудольф, собирая все вещи и с решительным видом вырывая у Агаты из рук корзину.

– Так я к невинным девицам не пристаю, ночью в окна не лазаю.

– Я как бы тоже.

– Это потому, что тут окон нет.

– Это потому, что тут невинных девиц нет, – фыркнул морф. – Да даже если б и были... скучные они. Предпочитаю барышень с опытом.

– Давно?

– Да вот с тех пор, как тебя повстречал, резко сменил мировоззрение, веришь, красавица?

Агата оглянулась. Морф вроде смеялся, но глаза у него были серьезные. Нет, так дело не пойдёт. Не хватало ещё, чтобы пацан в неё влюбился. Она ему ответить все равно не сможет, к тому же ее обязательно найдут, это лишь вопрос времени, а оставлять в качестве прощального подарка разбитое на кусочки сердце Агата не хотела. Знала, как это больно. Рудик, конечно, далеко не безобидная овечка, но все же не заслуживает подобной гадости.

– Слушай, волк, – подумав, сказала она. – Ты вот даже не думай. Между нами никогда и ничего не будет, понял? Совсем. Никогда.

– Что, рожей не вышел? Или хвост тебя не впечатлил?

– С малолетками я не сплю.

– То есть вопрос только в возрасте? – хладнокровно уточнил Рудик. – Не проблема, я подожду.

Агата вздрогнула невольно. Точно так же она когда-то сказала Канину, почти один-в-один. Неужели это и есть тот самый урок, который она должна вынести из этого мира? Поменяться ролями, встать на место своего любимого и такого равнодушного к ней мужчины? Тогда – тем более. Пора прекращать этот глупый флирт с ним. Отныне разговоры строго по делу. И никакой обнаженки, будет прятаться и даже стесняться попробует. Вспомнить еще бы, как вообще это делается.

Терпения ей хватило ненадолго – аккурат до брода. Потому что увидев это “мелководье”, Агата выругалась свистящим шепотом. Судя по водоворотам, брод здесь был весьма сомнительный.

Нет, плавать она умела и воды не боялась, но лезть в незнакомую реку – это просто чистейшее самоубийство!

А чертов морф уже стаскивал штаны!

– Не надо, я потом тебя высушу, – быстро сказала Агата.

– А чего так, стесняешься? Боишься? Или так хочешь, чтоб я утонул?

– Было бы чего бояться, – привычно огрызнулась она. – Чего я там не видела?

– Действительно, ничего и не видела, точно, – Рудольф затянул шнурок, которым он подвязывал постоянно спадающие с его тощего зада штаны, и решительно шагнул в воду. – Пошли, что ли, скромница?

– Куда, в реку? Ты знаешь, я подожду.

– Чего?

– Посмотрю, утонешь ты или нет.

– Если утону, плакать будешь?

– Да нет, зачем? Просто другую переправу поищу.

– Злая какая киса, противная. Ладно, если ты боишься воды...

– Разумно опасаюсь, – поправила его Агата.

– То я поищу лодку.

– А что, так можно было?

– Для тебя, моя прелесть – хоть звезду с неба, – и нырнул в камыши.

Агата вздохнула, ругая себя самыми последними словами. Ну что ей стоило рядом с ним молчать? А лучше всего и вовсе отправить его по важным волчьим делам – восстанавливать популяцию бурых волков, например. Нет, ухватила, потащила мальчишку за собой. Зря, очень зря. Но, как оказалось, он и в самом деле – полезный. Вон, нашел-таки в камышах лодчонку какую-то, тащит.

– Я ведь говорю, что все здесь знаю, – с довольным видом заявил оборотень. – Прошу, госпожа, карета подана.

Признаться честно, лодка Агате понравилась еще меньше, чем идея переходить реку вброд. Если идти ногами – сохраняется хоть какая-то иллюзия ответственности за свою судьбу. А маленькая, явно неустойчивая, да к тому же ворованная лодка – это настоящее испытание силы духа.

Но капризничать дальше Агата просто постеснялась: и без того уже чувствовала себя неловко. Шагнула в суденышко, осторожно опускаясь на лавку. Лодка просела так сильно, что вода едва не перехлестывала через борта. Рудольф быстро снял сапоги и штаны, сунул ей в руки и, осторожно подталкивая лодку перед собой, пошел в воду. Здесь, действительно, было неглубоко: вода доходила ему до бедер.

Ох и дура же ты, Агата! Сидишь в лодке, как барыня, пока парень мокнет! Зачем ты вообще рот открыла?

Переправа заняла совсем немного времени. Совершенно сухой и ужасно смущенной тигрице Рудик подал руку, лихо прищелкнув мокрыми пятками и даже немного поклонившись. Вышла, тихо вздохнув и оглядываясь. По эту сторону реки начиналась тропинка куда-то вдаль.

Сверилась с картой – просто ради интереса. Ну, и чтобы сделать вид, что она чем-то занята, а вовсе не косится на голый зад и перед морфа. Белья-то он, как она помнила, не носил.

– Судя по всему, впереди у нас таверна, – неуверенно сказала она. – Только вот что странно: зачем она нужна посреди леса?

– Как зачем? – заглянул ей через плечо морф, горячо и щекотно дыша в шею. – Чтобы путники могли переночевать.

– Какие к черту путники? В глухом лесу? Судя по тропинке, здесь только зайцы и патруль шляются, и больше никого. Совершенно бессмысленно тут ставить таверну.

– Предлагаю пойти туда и посмотреть, – отвратительно весело заявил Рудольф. – Я не понял, ты боишься, что ли?

– Вот только не нужно брать меня на слабо, со мной такое работало лет в шесть разве что, – проворчала Агата. – Я бы обошла стороной эту таверну... Но что-то мне подсказывает, что не выйдет. Ладно, малыш, пошли.

Тропинка была еле видна, но из вида не пропадала, а лес снова становился все гуще и дремучее. Сосны сменялись дубами, дубы – разлапистыми елями, а ели – снова вековыми дубами. Где-то квакали лягушки, пели птицы, шуршали в кустах неведомые звери. Отчаянно хотелось есть. Завтрак был давно переварен, ужин предвиделся только в таверне и то – сомнительный.

– Слушай, герой-любownik! Ты свою госпожу обедом кормить собираешься вообще?

– А это входит в мои обязанности, голодная госпожа? – вскинул брови морф.

– А как же. Настоящие оруженосцы для чего нужны, по-твоему?

– Носить неустанно оружие? – предположил Рудик.

– Ох, мой мальчик, как ты глубоко заблуждаешься! Настоящий оруженосец должен своего сюзерена кормить, поить, защищать от диких зверей, стирать его носки...

– Мальчик, значит, твой... Тогда еще тереть спинку, наверное, в купальне...

Агата вздохнула.

– Короче, я голодна. Поймай для меня хотя бы зайца.

Рудольф прислушался к лесу, склонив голову на бок.

– А заяц – это принципиально? Может, оленя лучше? Или перепела?

– Нет, олень это слишком радикально. Я столько не съем. А вот птица – самое оно.

– Слушаюсь и повинуюсь, ненасытная госпожа.

И принялся снова раздеваться, паразит. Что же это делается! Сколько вот так ей придется лицезреть голого мужика, причем неплохо сложенного и практически при любом разоблачении демонстрирующего вполне возбужденное состояние организма? Невольно возникали нескромные мысли – а не проверить ли на практике его готовность “служить госпоже” во всех смыслах? В конце концов, Агата тоже морф, и морф, давно сдерживающий свои инстинкты. К тому же – свежий воздух, здоровая пища, полноценный сон и отсутствие изматывающих тренировок.

Нет-нет, тигрица, даже не думай. Нельзя. То есть можно, но не с Рудиком. Он и без того смотрит на тебя слишком восторженно. Ты уйдешь, а он останется и потом, наверное, будет страдать. Мы в ответе за тех, кого приручили – кажется, еще Экзюпери сказал, да? Ну вот. Не стоит приручать волка, не кончится это добром.

11. Постоялый двор “40 разбойников”

Птица, пойманная Рудиком, куропаткой не была отродясь. Впрочем, Агата вообще затруднялась определить эту местную живность. Ошпарив ее одним только движением левой руки (ну нравилось ей видеть восторг в глазах волка, что поделаешь), содрала перья с кожей. Еще один удар раскаленным паром, можно солить и решительно есть. Пополам разломила, кинув свою половину в рот, бросила парню его скромную долю. Еще бы таких... штучки три, но заморить червячка получилось.

Оставаться на ночь в лесу не хотелось. Уже было совершенно ясно, что нечисти тут водилось немерено: если есть русалки, то, наверное, и леший запросто появится, и какие-нибудь людоеды, и дорога из желтого кирпича. Поэтому Агата с Рудиком, как только солнце начало неуклонно скатываться за верхушки деревьев, не сговариваясь, ускорили шаг. Судя по заколдованной карте, постоялый двор был уже близко.

Странное это оказалось место: большой двухэтажный дом прямо посреди чащи – с застекленными (о чудо!) окнами и каменным подклетом. В окнах горел свет, слышалось разудалое пение.

Называлась эта постройка “Волк и осел”.

– О! – обрадовался Рудик. – Чур, я волк!

– Серый, ушастый и с хвостом? – прищурилась Агата. – Мне б твою самоуверенность!

И пока морф искал ответ поязвительнее, тигрица ловко взбежала по ступенькам крыльца и открыла дверь.

Пахло здесь вкусно, а вот контингент был... самый что ни на есть разбойничий. Замерла на пороге, судорожно подсчитывая количество голов, в смысле – рож. На тридцати с чем-то сбилась и решила, что нет, в лесу безопаснее, но улизнуть не успела. Рудик нетерпеливо толкнул ее между лопаток, затаскивая в здание, и только потом догадался оглядеться. Его гулкий вздох в наступившей вдруг тишине прозвучал очень громко. Агата на всякий случай подергала мягко затворившуюся за спиной дверь: она не поддавалась. Пришлось улыбаться во всю свою белоснежную челюсть и громко здороваться.

– Вечер в радость, господа, эль в сладость, – брякнула она. – Это ведь постоялый двор?

– Он самый, заходи, красавица, – улыбнулся лысый толстяк за барной стойкой, демонстрируя отсутствие передних зубов. – Не бойся, не обидим.

– Только пощупаем немного, – вполголоса добавил кто-то из угла.

Рудольф демонстративно принялся за стриптиз, явно намереваясь оборачиваться.

– Братцы, тож ж оборотень! – крикнул кто-то... И все вокруг вскочили.

Агата только глазами хлопала, а ее оруженосца уже скрутили в бараний рог, пару раз пнули под ребра, опутали веревками как колбасу и уложили в уголок отдыхать. Однако тут налицо командная работа!

– А вы, барышня, тоже буянить будете?

– Нет, – горячо ответила Агата. – Я буду ужинать и спать!

– Ну так проходите, присаживайтесь. Что желаете?

Пришлось осторожно опуститься за предложенный столик в углу. Посетители смотрели на Агату так жадно, что она ощущала себя частью меню. Сохранять невозмутимость было очень сложно, и тигрица нервно плеснула в большую кружку чего-то алкогольного из кувшина и лихо опрокинула это в себя.

Ох!

Закашлялась, из глаз потекли слезы. Да это же самогон!

Зато сразу сделалось тепло, даже жарко и очень весело. И предложенное жаркое показалось невероятно вкусным.

Осмелевшая Агата даже крикнула бармену, или кто он тут:

– Вы бы моего оруженосца покормили, а то бедняга даже топор за мной таскать не сможет!

Все почему-то засмеялись: не то им казалось, что кормить практически уже покойника не было смысла, не то над топором.

Постепенно в таверне снова зашумели, начали спорить и даже петь. Перед глазами у Агаты плыли цветные пятна, в ушах гудело. Она вдруг услышала знакомое имя “Жозеф Лур”, встрепенулась, немного послушала, качнулась на стуле и заявила:

– Э, нет-нет, все было совсем не так! Слушайте сюда! Жила была девочка в деревне возле леса. Бабушка сшила ей красную шапочку, и до того девочка ее любила, что носила и зимой и летом...

Волк в углу громко и трагически застонал.

Проснулась Агата поздно, в который уже раз – с головной болью и премерзким ощущением во рту. К сожалению, снова не дома, а на каком-то половичке в каком-то чужом доме. С трудом села, огляделась, ощупала себя. Штаны и рубашка на месте, нож за поясом, отлично.

– Блевать будешь? – поинтересовался смутно знакомый голос. Она подняла голову и уставилась на весело скалящегося Рудольфа. – Водички хочешь?

О да! Вырвала у него из рук ковшик со студеной водой, жадно прильнула к нему, не замечая даже, как струйки воды стекают по подбородку и шее. Вроде бы полегчало.

– Тут есть вчерашнее рагу, моя общительная госпожа, не желаете?

При одной только мысли о еде к горлу подкатил ком. Мотнула головой, поморщилась.

– А что вчера было?

– О! О-о-о! – Рудольф явно пребывал в восторге. – Проще сказать, чего вчера не было!

– И чего не было?

– Любви не было, это факт. Жаль. Зато моя талантливая госпожа полночи рассказывала сказки, потом пела унылые песни про черного ворона и мороз-мороз, потом пыталась учить здешних господ танцевать вальс на раз-два-три. У них не получалось, и тогда развязали меня. Кстати, ты прекрасно вальсируешь, киса.

Агата застонала и уронила лицо в ладони. Какой позор, она напилась и буянила! Никогда больше... Зато – ее не изнасиловали и не убили. Видимо, ее выступление было довольно успешно.

Морф развеял все сомнения:

– Никогда еще не встречал такой веселой госпожи. Всем очень понравилось. Не пове-ришь, нам еще и денег накидали. Слушай, а давай будем с тобой и дальше ходить по тавернам и ресторанам и петь всякие песни. Я могу на бубне играть и еще... ой! Зачем пинаешься?

Агата проковыляла к двери, перешагивая через валяющихся на полу еще не проснувшихся разбойников, толкнула дверь – и о чудо, она открылась без труда. За дверью был тот же самый лес, высокое небо и яркое солнце. Пора было уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.